

КИФА

И САМИ,
КАК ЖИВЫЕ КАМНИ,
УСТРОЙТЕ ИЗ СЕБЯ
ДОМ ДУХОВНЫЙ

ИЗДАНИЕ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОДРУЖЕСТВА МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

13 (231) •
ноябрь 2017

МОЛИТВА ПАМЯТИ
стр. 3

НАСКОЛЬКО
РЕАЛЬНО
ВОПЛОЩЕНИЕ
РЕШЕНИЙ
ПОМЕСТНОГО
СОБОРА В ЖИЗНИ
БУДУЩЕЙ РОССИИ
стр. 19

АТЛАНТИЧЕСКИЙ
ОКЕАН 1917 ГОДА
стр. 28

ТЕМА

ПАМЯТЬ

Одобрено редакцией Дальневосточным информационным отделом Русской Православной Церкви

Статьи публикуются на сайте GAZETAKIFA.RU 12+

**Имеющие
надежду**

акция
национального
покаяния

**Год столетия революции
в России даёт нам повод снова
посмотреть на последствия
Русской катастрофы 1917 года.
Посмотреть и увидеть,
что избавиться от этого
наследия можно лишь через
покаяние**

pokayanie1917.ru

ПРАВОСЛАВНЫЕ БРАТСТВА В ИСТОРИИ РОССИИ: к 100-летию воззвания патриарха Тихона об образовании духовных союзов

1-3
февраля
2018

ОРГАНИЗАТОРЫ КОНФЕРЕНЦИИ:

СОБОР ФЕОДОРОВСКОЙ ИКОНЫ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ (Санкт-Петербург)
СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРЕОБРАЖЕНСКОЕ СОДРУЖЕСТВО МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Сто лет назад, 1 февраля (19 января по старому стилю) 1918 г., в обстановке начавшихся гонений на Церковь патриарх Тихон опубликовал Послание, в котором не только обращался к «извергам рода человеческого с грозным словом обличения и прещения», не только звал верных на «страдания вместе с собою», но взывал к архипастырям и пастырям: «...не медля ни одного часа в вашем духовном делании, с пламенной ревностью зовите чад ваших на защиту попираемых ныне прав Церкви православной, немедленно устраивайте духовные союзы, зовите не нуждою, а доброю волею становиться в ряды духовных борцов, которые силе внешней противопоставят силу своего святого воодушевления». В дальнейших постановлениях патриарха и Синода перед союзами прихожан ставились также просветительские и благотворительные задачи.

Воспоминания современников, равно как и отдельные научные исследования этого периода церковной истории согласно указывают на взрывной и массовый характер появления подобных союзов, а также на необыкновенную духовную атмосферу, царившую в возродившихся и вновь образовавшихся братствах, сестричествах, союзах приходов и т. п. Воочию можно было наблюдать как церковное Тело, «скрепляемое и соединяемое посредством всяких живительных связей, при действии в свою меру отдельно каждой части, осуществляет рост Тела к созиданию себя в любви» (Еф 4:16).

Однако на настоящий момент отсутствует сколько-нибудь целостное представление об исторической роли духовных союзов, осуществлявших свою деятельность в революционное и послереволюционное время. Заслуживают исследования и обсуждения предпосылки их возникновения, основные формы деятельности, реакция на трагические события революции и гражданской войны и т. д.

Организаторы конференции полагают, что в год столетия революции, восстановления патриаршества и возрождения братского движения необходимо обратить самое пристальное внимание на опыт духовных союзов, уже тогда нашедших христианский ответ на вызовы времени. Этот опыт может оказать неоценимую помощь в дальнейшем возрождении церковной и общественной жизни в России и других странах.

Сопредседатели оргкомитета конференции:

Настоятель Феодоровского собора, протоиерей Александр Сорокин

Заведующий кафедры церковно-исторических дисциплин СФИ, канд. ист. наук К.П. Обозный

Содержание

НОЯБРЬ 2017

~ комментарий

Церковные каноны для желающих венчаться строже, чем требования ЗАГСa | 2

~ событие

Молитва памяти | 3

«Мы хотим, чтобы наше будущее и на земле, и в Царстве Небесном было явлением соборности» | 10

~ тема номера

Процветший крест | 14

~ Живое предание

Братский помяник | 18

~ Поместный собор

Насколько реально воплощение решений Поместного собора в жизни будущей России | 19

~ Конференции

Семнадцатый год и семнадцатый век | 22

~ 1917–2017

Репрессии: с 1917 года и во все последующие... | 6

Усилие помнить | 30

~ Встречи

Атлантический океан 1917 года | 28

~ Церковь и культура

Не оставляй первой любви своей | 32

Издание Преображенского содружества малых православных братств

gazetakifa.ru

КИФА

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор: А.В. Колымагина
Адрес редакции и издателя: 105062, г. Москва, ул. Покровка, д.29
Тел./факс: +7-495-624-92-50
Электронный адрес редакции: gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601
Над номером работали: Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение». Газета издается с октября 2002 г. Все права защищены. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
Сайт газеты: gazetakifa.ru

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г. Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная. Выпуск подписан в печать 7 ноября 2017 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00. Дата выхода в свет 15 ноября 2017 г.

Нашу газету можно приобрести: в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81
в Париже: в магазине «YMCA-Press»: 11, Rue de la Montagne-Sainte-Genevieve
Телефоны распространителей
Москва: +7-910-421-64-60 (Анна Гринман), +7-903-100-93-73 (Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург: +7-963-316-39-81 (Анастасия Наконечная)

Архангельск: +7-921-073-32-76 (Надежда Макурина)
Вельск: +7-921-247-11-37 (София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-50-35 (Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-03-91 (Татьяна Благодарова)
Рязань: +7-920-632-06-71 (Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-909-551-20-11, (Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73 (Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)
США, Канада: +1-651-210-49-22, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

Главная тема этого номера, конечно, связана с памятью. И это неудивительно: весь этот год мы пытаемся вспомнить своё общее отражение в зеркале, разбитом сто лет назад. Увы, осколки дают только фрагменты мозаики, да и то часто искажённые.

Когда человек переживает горе, не только тяжёлое и непереносимое, но ещё и страшное своей бессмы-

сленностью, мозг очень часто защищается, стирая память о тех или иных обстоятельствах трагического события. Выстраивается частичная, по сути ложная память. И сегодня, когда пропаганда в связи с 1917 годом далеко не так настойчива, как в течение всего минувшего столетия – несмотря на неуверенные попытки что-то «праздновать», чаще всего отношение к столетию сводится к фигурам умолчания

и обесмысливания – именно эта бессознательная защита становится главным препятствием на пути восстановления нашей общей памяти.

И я не верю, что её можно восстановить одними лишь человеческими силами. Думаю, такая попытка неминуемо обманет, и вольно или невольно каждый из нас начнёт создавать сделанное «под себя» прошлое. Поэтому такое

Александра Колымагина

значение имеет здесь обращение к памяти вечной – той памяти, к которой мы и сами надеемся оказаться причастными. **КФ**

КОММЕНТАРИЙ

Церковные каноны для желающих венчаться строже, чем требования ЗАГСa

Сайт телеканала «Царьград», газета «Московский комсомолец»

Эксперт по вопросам интеграции религии в социальную жизнь общества, ректор Свято-Филаретовского православно-христианского института священник Георгий Кочетков считает, что между ЗАГСами и Церковью должно быть налажено взаимодействие относительно бракосочетания, венчания граждан.

«Православная Церковь относится к инициативе депутатов Государственной

думы приравнять венчание в церкви к браку, который заключается в ЗАГСах, сдержанно, – отметил он. – К тому же ряд моментов, для того чтобы юридически приравнять венчание к браку, всё-таки пока не проработаны...

С одной стороны, эта мера позволит разгрузить ЗАГСы, но с другой – должна сохраниться и светская форма регистрации, ибо не все пожелают оформить процедуру заключения брака через Церковь, да и вообще венчание неверующих людей запрещено и не может совершаться в Церкви».

Ректор Свято-Филаретовского православно-христианского института подчеркивает, что каноны, которым следует Церковь для разрешения парам венчаться, гораздо строже, чем то, что предъявляют

светским брачующимся. При этом при взаимодействии государственных институций и Церкви следует не забывать, что нормы и каноны со стороны будущих супругов должны быть соблюдены: «Конечно, кто-то должен проверять возможность того или иного брачного союза. Церковь – с точки зрения своих канонов, государство – с точки зрения соответствия своим требованиям. Сейчас они различаются, но церковные требования строже, и, таким образом, государство вполне может признать их достаточными».

Эксперт поднял и другую немаловажную тему – разводы. В современном мире – это печальная тенденция, и процесс расторжения брака в контексте взаимодействия Церкви и ЗАГСов должен быть проработан. Несмотря на то,

что христианская церковь категорически против разводов, надо понимать, что мы живём в современном мире, где, к сожалению, процесс расторжения брака уже считается нормой. В этом случае у бывших супругов и их детей должны быть определённые гарантии. «Согласно действующим церковным нормам, венчаться могут только те, кто прошёл официальную процедуру в ЗАГСе. Иначе это грубое нарушение канонов, потому что брак на уровне Церкви имеет не только духовное, но и общественное значение, из которого проистекают определённые права и обязанности», – подчеркнул ректор СФИ, добавив, что при тщательной проработке данного вопроса «ничто не мешает эти акты совершать одновременно и в одном месте». **КФ**

Молитва памяти

Уже десять лет в День памяти жертв политических репрессий, 30 октября, в разных городах с молитвой читаются имена погибших

Текст: Александра Колымагина

Фото: Анастасия Наконечная, Игорь Лисков, Алена Каплина, Александр Волков, Дзинтра Гека,

Память важно передавать от одного поколения к другому подлинной, неискажённой

Вспоминая полгода назад, в Неделю о Страшном суде, события 1917 года, патриарх Кирилл сказал: «Мы не должны отказаться от нашей исторической памяти и оставить без внимания события, которые произошли в тот год, как и последующие тяжкие испытания нашего народа. И молодёжь не должна сказать: это случилось с нашими предками и нас не касается. Это касается всех, это касается народа нашего».

Именно таким усилием не отказаться от памяти, восстановить её, как бы тяжело это ни было, стало продолжающееся уже много лет движение «Молитва памяти» – ежегодное молитвенное чтение имён жертв репрессий. Главным его устроителем стало Преображенское братство.

В этот день во многих городах России и других стран читаются имена погибших земляков (и не только земляков), звучат молитвы, среди которых – молитвы новомучеников. В этом году – так же, как и в прошлом – молитва памяти была связана прежде всего с осмыслением столетия событий 1917 года.

Невозможно опубликовать на нескольких страницах газеты фотографии из десятков больших и малых городов и посёлков, где в течение многих часов, иногда под проливным дождём люди старались соединить трагическую память нашего народа и вечную память Божью. Но всё-таки мы надеемся, что наш небольшой фоторепортаж позволит читателю увидеть, как это было.

Екатеринбург

Москва

Истра

Посёлок Глебовский, Истринский район Подмосковья

Санкт-Петербург

Нижневартовск

Рига

Коломна

Томск

Кишинёв

Репрессии: с 1917 года и во все последующие...

«Кифа» обратилась к участникам «Молитвы памяти» с двумя вопросами. Первый из них: «Связано ли для Вас это чтение имён со столетием 1917 года и если да, то как связано?»

Наталья Туймебаевна Ашимбаева, филолог, директор петербургского литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского: Это очень сложный вопрос. Наверное, есть какая-то логика революции: как показывает история Великой Французской революции, она чаще всего приходит к террору. Могу только выразить надежду, что подобное никогда не повторится.

Евгений Водолазкин, писатель, лауреат премии «Большая книга»: 1917 год – это просто видимая точка отсчета в той беде, которая постигла наш народ. Те болезни, которые развивались довольно долгое время, просто вышли в этот момент

наружу. Большевизм не победил бы просто так. Не могло случиться такого, чтобы несколько человек приехали из Швейцарии и перевернули огромную страну. Поэтому ответ каждый из нас должен искать в самом себе – те, кто живы, конечно. Потому что с тех, кто умер, ответ спрашивают в других сферах.

Андрей Грищенко, координатор московского отделения мемориально-просветительского и Историко-культурного центра «Белое дело»: Безусловно, для верующего человека такие даты как столетие связаны с особой молитвой, с особым воспоминанием о тех событиях и в первую очередь о тех людях, которые волею судеб Божиих оказались в то время и в том месте и несли свой подвиг – подвиг стояния в вере, подвиг служения Родине – когда вокруг разверзлась бездна равнодушия, нечувствия и охлаждения в вере. В молитве мы соединяемся с этими людьми, становимся единой Церковью. Эта наша связь – некий стержень, вокруг которого выстраивается всё остальное. И дальше мы должны говорить о том, что же произошло, бесконечно говорить – до тех пор, пока это не отпечатается в сознании людей. Добро должно быть названо добром, но и природа зла должна быть чётко обозначена. Сейчас определённо идёт движение в этом направлении: недавно был установлен крест в память о репрессированных членах братств в Левашове, в Бутово был открыт «Сад памяти», который посвящён всем репрессированным в этом страш-

ном месте. Хотелось бы, чтобы и те воины, те юнкера и кадеты, которые защищали Кремль в дни октябрьского переворота, тоже были достойно увековечены в городской московской топонимике в виде памятного знака, доски или в иной форме.

Андрей Звягинцев, кинорежиссер, лауреат Венецианского и Каннского кинофестивалей: Собственно говоря, Большой террор 1937 года, о котором мы в основном говорим, это на самом деле просто продолжение террора, который начался сразу, потому что эта власть просто не могла по-другому себя утвердить. Это общеизвестно. Я сейчас называл имена расстрелянных в 1918 году. И таких людей огромное количество. Всё это напрямую связано с событиями осени 1917-го. Здесь самая непосредственная связь. Дело же не только в Сталине. Эти люди не видели, как по-другому насадить свои идеи. Это же очевидно.

Протоиерей Иоанн Каледа, настоятель храма Святой Троицы на Грязех: Прежде всего я хотел бы сказать, что мы должны хранить память о произошедших в нашей истории страшных событиях. То, что сейчас порой раздаются голоса «ничего не было, это всё выдуманно», – абсолютно недопустимо. Я помню, двадцать лет назад, в 1997 году, когда раздавались такие же голоса – мол, «всё это выдуманно», по благословению Святейшего патриарха Алексия был вскрыт небольшой участок рва на Бутовском полигоне. Патриарх благословил потревожить

Конечно, мы все переживаем столетие семнадцатого года. Но окончательно это не осмыслено и не пережито. К сожалению, порой раздаются голоса чуть ли не о реабилитации тех, кто виновен в массовом пролитии крови. И нет резкого безоговорочного осуждения совершенных преступлений

эти захоронения, чтобы убедить и неверующих скептиков, что эти страшные события действительно были, что действительно были массовые расстрелы и массовые уничтожения людей, причём часто тех, кто действительно был самым цветом нации.

Конечно, мы все переживаем столетие семнадцатого года. Но окончательно это не осмыслено и не пережито. К сожалению, порой раздаются голоса чуть ли не о реабилитации тех, кто виновен в массовом пролитии крови. И нет резкого безоговорочного осуждения совершённых преступлений.

У нас до сих пор нет единомыслия в понимании событий 1917 года, как и сто лет назад, когда почти никто не осознавал, что произошла величайшая трагедия.

Если мы почитаем воспоминания митрополита Вениамина (Федченкова)*, который в 1920 году был епископом армии и флота в армии Врангеля и как никто другой знал настроение офицеров, то узнаем, что генерал Деникин как честный солдат воспротивился тому, чтобы в лозунге Белой армии оставить привычные формулы «за царя» и «за веру». Потому что ни царя подавляющее большинство не хотело, ни веры практически не было. Была внешняя форма, но отнюдь не вера. И когда мы сейчас читаем, что белые офицеры все были монархистами, это неправда. Многие из них уже в эмиграции, поняв, что они потеряли, стали монархистами по своим убеждениям. И точно так же, потеряв Родину, многие из них и обрели веру.

Елена Козыренко, прохожая:

Для меня эта связь в том, что мой прадедущка пострадал во время красного террора в восемнадцатом году. Он погиб. Он был управляющим имением, немцем, и в восемнадцатом году пропал без вести, исчез. Конечно, вся семья предполагала, что это связано с красным террором, поскольку им всем пришлось потом прятаться.

Протоиерей Константин Пархоменко, клирик собора Святой Живоначальной Троицы Лейб-Гвардии Измайловского полка в Петербурге: Для меня то и другое связано самым непосредственным образом, потому что и мои родственники были репрессированы. Но дело даже не в этом. Я служу в храме и встречаюсь с русской интеллигенцией, и я вижу эти следы советского времени, плоды разорения. Я понимаю молодых людей, которые не верят, что были эти жертвы. Они родились в светском обществе и они этого не видели. А мы, те, кто приобщается к русской культуре, мы видим эти раны, следы этой советской бомбёжки, которая выкосила, можно сказать, целые классы лучших людей России. Поэтому для меня это всё близко и важно.

Алексей Старобинский, физик, академик РАН: Связывается, конечно, поскольку репрессии – это было одно из следствий событий 1917 года. Но буквальной связи нет в том смысле, что год столетия пройдёт, а я, как и многие другие, считаю, что подобные поминования должны совершаться каждый год. И в этом смысле если столетие – это что-то однократное, то воспоминание жертв должно повторяться ежегодно.

Андрей Ургант, актер театра и кино, телеведущий: Я люблю свою страну и много знаю и читаю об истории этой страны и с той, и с другой стороны. Есть очень много мнений. Толковать тоже можно очень по-разному. Я никак не толкую. Факт остаётся фактом: люди были расстреляны. Значит, кто-то стоял под дулами и выдержал эту чудовищную пытку и унижение, а кто-то нажал на курок. В голове это всё не умещается. Никак не могу это прокомментировать.

* «На рубеже двух эпох» («Россия между верой и безверием»).

Второй вопрос: «Переживаете ли Вы как часть своей семейной истории то, что произошло сто лет назад?»

Наталья Ашимбаева: Мой отец был репрессирован. Он шесть лет провёл в лагерях. Он был казах, корреспондент газеты Ленинградского фронта «На страже Родины». Это была очень известная военная газета, и был листок, как бы филиал этой газеты на казахском языке, для

МОЙ ОТЕЦ БЫЛ РЕПРЕССИРОВАН. ОН ШЕСТЬ ЛЕТ ПРОВЁЛ В ЛАГЕРЯХ. Я ДУМАЮ, ЧТО ОЧЕНЬ МНОГО СЕМЕЙ, КОТОРЫЕ ТАК ИЛИ ИНАЧЕ МОГЛИ БЫТЬ ЗАДЕТЫ. И ПАМЯТЬ ОБ ЭТОМ ЕЩЁ ОЧЕНЬ БОЛЬНАЯ

воинов-казахов, которые воевали на Ленинградском фронте. Когда закончилась война, вся маленькая редакция этого листка была разгромлена. Троицким журналистам, среди которых был мой отец, были приписаны какие-то националистические идеи, хотя это были советские молодые люди, которые и не помышляли ни о каких подобных вещах. Но отец мой, слава Богу, выжил. А один из его товарищей не вернулся, погиб в лагере. Так что это всё очень памятно, всё связано с нашей жизнью. И я думаю, что очень много таких семей, таких историй, которые так или иначе могли быть задеты. Разные семьи – у кого-то совсем близко, у кого-то чуть-чуть подальше, но память об этом ещё очень большая.

Евгений Водолазкин: У меня погиб брат моей прабабушки, протоиерей Александр Дмитриевич Нечаев. Он служил в кафедральном

соборе Архангельска, трижды был арестован. И после последнего ареста умер. Мы в семье помним его. Я о нём несколько очерков написал.

Андрей Грищенко: Я переживаю вообще всю историю, которая происходила после 1917 года, как историю трагическую. Когда я смотрю на те страны, которых не коснулась революция, то волей-неволей задумываюсь: а как было бы в России, как бы наша страна развивалась, каким образом русские люди жили бы сейчас, какие сейчас были бы открытия, каким было бы общество, в конце концов, какими были бы русские люди? Этот вопрос всё время встает и в связи с историей своей семьи. Ты так же задумываешься о том, что, наверное, всё было бы по-другому. Но Бог судил так, как судил, и мы должны находить смысл в нашей истории, в том числе и семейной, и надо как-то находить выход из тех травм, которые коснулись поколений и конкретных семей.

В моём роду нет репрессированных среди прямых родственников. Но мой двоюродный дед был раскулачен. Я об этом очень мало знаю, это не нашло какого-то осознанного отражения в семейной истории. Тем не менее всё равно это всё витает в воздухе, это чувствуется. И конечно, хотелось бы залечить все эти раны, все эти судьбы, которые взывают к небу, чтобы и мы могли в мире идти вперёд, жить и строить новую Россию.

Андрей Звягинцев: Я историю своей семьи не очень хорошо знаю, потому что отец ушёл, когда мне было около четырех лет, и я ничего толком ни о нём, ни о его родословной не знаю. А мамина родословная прерывается на её отце, Александре Казакове, который пропал без вести во время войны.

Протоиерей Иоанн Каледа: Мой дед, священномученик Владимир Амбарцумов, как вы знаете, пострадал за веру: он был расстрелян на Бутовском полигоне. Он причислен к лику святых, в ближайшее воскресенье его память.

И ещё один родной человек вспоминается мне в связи с событиями столетней давности. Мой дедушка овдовел, когда моей маме не было и полутора лет. Маму и её брата воспитывала подруга моей бабушки, которую мы тоже считаем своей бабушкой. Мама моя всегда звала её

Я переживаю вообще всю историю, которая происходила после 1917 года, как историю трагическую. Когда я смотрю на те страны, которых не коснулась революция, то волей-неволей задумываюсь: а как было бы в России, как бы наша страна развивалась, каким образом русские люди жили бы сейчас...

мамой, хотя та и не была супругой дедушки Володи. Она отказалась выйти за него замуж, зная, что дедушке было предсказано священство, а священник – муж одной жены. И вот мама этой моей бабушки, то есть прабабушка Дарья (не родная по крови, но всё-таки родная) после событий февраля сказала: «Пойду в церковь. Посмотрю, как не поминают помазанника Божия». И когда она из церкви вернулась, то прислонилась к косяку двери и упала мертвой. Так она переживала то, что происходило в эти февральские дни. Хотя тогда мало кто воспринимал эти события как катастрофу, и многие, в том числе и церковнослужители, считали их благом.

Елена Козыренко: О судьбе моего погибшего прадеда я всегда знала, с самого детства. И о том, что потом мой дедушка тоже был расстрелян, я знала с детства от своего папы. Он и сам был репрессированным, но не так уж сильно. Его это коснулось только тем, что он не мог поступить в университет, это касалось только учёбы и работы. Но мы говорили об этом только в семье и не обсуждали с другими. А когда открыли архивы, мой папа часть дела деда прочитал. Я тоже читала эти документы в архиве ФСБ года два назад, там уже было больше открытых страниц. Но там всё равно какие-то листы закрыты, заклеены.

Мой отец так и не простил всего этого. Меня как раз заинтересовало слово «покаяние», потому что покаяния можно требовать от властей, от государства, от НКВД, КГБ и всех палачей, которых очень много. Но я потом интересовалась: многие из них сами были расстреляны, а кто-то даже героически погиб в годы Великой Отечественной войны. Здесь на

Молитве памяти читаются имена всех расстрелянных без различия, и я это понимаю: очень сложно разделить одних от других. И, наверное, от прощения со стороны близких родственников погибших тоже надо избавляться через какое-то покаяние. Детям, внукам и правнукам необходимо простить. Но и покаяние за преступления тех лет должно быть весомым. Я думаю, что всё-таки юридически это должно быть закреплено. И, наверное, я бы хотела, чтобы свидетельство о смерти деда было реальным, чтобы там было написано не «грудная жаба в таком-то году», а всё-таки расстрел, когда и где.

Алексей Старобинский: Естественно, для меня то и другое соотносится, поскольку в числе моих предков были и основатели Российской социал-демократической партии. Другое дело, что они были не из радикального, а из более умеренного крыла. И в связи с этим я хочу вернуться к ответу на первый вопрос. Я не считаю, что репрессии, которые начались в семнадцатом году, были неизбежными. Можно было пойти совсем другим путем.

Но те социал-демократы, которые возражали против крайностей, сами оказались в лагерях или были высланы. В 1923 году были высланы из страны руководители меньшевиков и других левых партий, не большевистских. Среди них, в частности, была и моя прабабушка.

Андрей Ургант: Мне кажется, нет людей, которые не имели бы к этому отношения. Мой дед был майором НКВД. Я его в живых не застал, я родился уже после того, как он умер. Умер он после войны. Он воевал, у него было четверо детей, чем он доподлинно занимался, я не знаю.

Но был майором НКВД – звучит это угрожающе. НКВД всегда боялись, пугались. Они защищали много и от уголовников, и от бандитов, и гибли в неравной схватке с врагами. И в то же время они выполняли чудовищные функции, которые возлагались на карательные органы. Считать

МОЙ ДЕД БЫЛ МАЙОРОМ НКВД. ЧЕМ ОН ДОПОДЛИННО ЗАНИМАЛСЯ, Я НЕ ЗНАЮ. ОНИ ЗАЩИЩАЛИ И ОТ УГОЛОВНИКОВ, И ОТ БАНДИТОВ. И В ТО ЖЕ ВРЕМЯ ВЫПОЛНЯЛИ ЧУДОВИЩНЫЕ ФУНКЦИИ, КОТОРЫЕ ВОЗЛАГАЛИСЬ НА КАРАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ. СЧИТАТЬ СЕБЯ НЕПРИЧАСТНЫМ К ЭТОМУ МНЕ КАЖЕТСЯ СТРАННЫМ

себя непричастным к этому мне кажется странным. Не надо биться головой о каменные ступени, кричать, что я во всём виноват – никто этого не требует, никто этого не просит, но ощущать то, что это происходило в твоей стране, с твоим народом, мне кажется, необходимо, иначе мы не пойдём дальше. **КФ**

«Мы хотим, чтобы наше будущее и на земле, и в Царстве Небесном было явлением соборности»

Об итогах конференции «Алексей Степанович Хомяков: философ, богослов, поэт» размышляют заместитель декана Философского факультета МГУ А.П. Козырев, ректор Свято-Филаретовского института священник Георгий Кочетков и проректор СФИ Д.С. Гасак

Беседовала Александра Колымагина

О замысле и ходе конференции, организованной Тульским историко-архитектурным музеем (филиал «Усадьба А.С. Хомякова»), Свято-Филаретовским православно-христианским институтом, Философским факультетом Московского государственного университета и Кафедрой русской литературы РГПУ имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург) и проведённой 5 октября в Музее-усадьбе Хомякова «Богучарово» подробно рассказали медиапроект «Стол» в статье «Непрофессиональный богослов Хомяков» и сайт Свято-Филаретовского института в обзоре «Пора возвращаться к Русскому ренессансу». Мы не будем повторять здесь эти замечательные материалы, а дадим слово трём участникам конференции.

Почему именно в этом году прошла конференция «Алексей Степанович Хомяков: философ, богослов, поэт», ведь круглой даты не было?

Алексей Павлович Козырев, кандидат философских наук, заместитель декана Философского факультета МГУ: Формально конференция не была приурочена ни к каким датам. Мы о ней договаривались достаточно давно, стремясь обратить внимание на положение усадьбы Алексея Степановича Хомякова в Богучарове. Там находится сейчас филиал Тульского историко-архитектурного музея, но, конечно, положение этого музея недостойно того значения, которое Хомяков имеет в истории русской культуры и вообще в русской истории как основатель славянофильства. Хотелось пригласить туда людей известных, в том числе и чиновников, и обратить внимание на то, что усадьбу необходимо отреставрировать, то есть, во-первых, полностью вернуть её музею, а во-вторых, про-

Богучарово – единственная усадьба рода Хомяковых, сохранившаяся в первозданном виде. На фотографии: фрагмент архитектурного ансамбля усадьбы

вести там серьёзные реставрационные работы, в том числе восстановить парк, который находится в запущенном состоянии. Тем самым будет отдано должное человеку, который является одним из самых выдающихся русских людей, прекрасным поэтом Золотого века русской поэзии – поэтом первого ряда, – выдающимся мыслителем, гражданином, помещиком, изобретателем... Можно и много других слов упомянуть применительно к Алексею Степановичу Хомякову.

Может быть, действительно есть некоторое противостояние, но не двух культур, а культуры и антикультуры. Есть дворянские гнёзда, где создавались замечательные проекты храмов, писалась «Семирамида (Записки о всемирной истории)», создавались поэтические и богословские произведения. А есть попытка поднять на вилы тех, кто жил в этих усадьбах. И вот это уже – не культура, а бунт против культуры

Дмитрий Сергеевич Гасак, первый проректор Свято-Филаретовского института: Круглой даты действительно не было. Нас поразило убожество, в котором находится, и уже давно, родовое поместье Хомяковых Богучарово. В последний год в течение нескольких месяцев в музее, который занимает две-три комнаты и соседствует с жилыми квартирами, элементарно не было электроэнергии. Представьте себе! Поэтому и возникла идея собрать серьёзных ученых, представляющих ведущие научные и образовательные организации, занимающиеся русской мыслью, и провести прямо в доме А.С. Хомякова конференцию, несмотря на то, что условий для этого там никаких нет. Изначальная инициатива, по-моему, принадлежала Ю.В. Балакшиной, учёному секретарю СФИ. Тем самым мы хотели привлечь внимание властей Тулы к судьбе усадьбы. Её необходимо спасти.

Насколько затрагивался на конференции богословский аспект учения Хомякова во взаимодействии с философским аспектом и насколько такая постановка вопроса была интересна представителям философского факультета?

А.П. Козырев: Представителям философского факультета интересно разное. Среди нас есть разные люди – и верующие, и неверующие. Кто-то из нас занимается русским богословием, и я могу сказать, что богословские вопросы затрагивались, прежде всего, в докладе С.С. Хоружего. Это первый доклад, который прозвучал на пленарном заседании. Он состоял из двух частей, и вторая часть, касавшаяся учения Хомякова о соборности, как раз затрагивала аспект полемики, которая существует в современном православном богословии, в частности, французском, относительно того, как понимать соборность. Является ли соборность онтологическим признаком Церкви или это некое вторичное, «техническое» понятие, связанное с умением принимать соборные решения на церковных соборах? Сергей Сергеевич рассматривал два возможных перевода слова «соборность» на французский язык – *catholicité* и *conciliarité*. Первое слово происходит от греческого *καθολική* – кафолический, католический, второе – от латинского *concilium* – собор, в том числе церковный, поместный собор. Он убедительно, на мой взгляд, показал, что речь идёт не о церковных соборах, а именно о соборности как онтологическом качестве Церкви, прописанном в Символе веры. Это очень существенный вопрос применительно к Хомякову. Определённые богословские

вопросы затрагивались и во время панельной дискуссии, которая была во второй части конференции.

Д.С. Гасак: Довольно быстро нам удалось достичь договорённости не только с музеем, но и с Философским факультетом МГУ. Алексей Павлович Козырев очень

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ СОБОРНОСТЬ ОНТОЛОГИЧЕСКИМ ПРИЗНАКОМ ЦЕРКВИ..?

действительно включился в работу по подготовке конференции, за что мы ему очень благодарны. Как благодарны и кафедре русской литературы РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург). Видите ли, философия, богословие, филология представляют собой часто непересекающиеся сферы. Но Хомякова, как и его ближайших друзей по славянофильскому кружку, трудно назвать только философами, богословами или литераторами. Это оригинальное явление русской мысли и русской жизни, поэтому восприятие славянофильского наследия требует совместных усилий. Это очень интересно. Тем более, что влияние советских идеологических конструкций в отношении русской религиозной мысли до сих пор ощущается. Конечно, за один день мы успели не много, но уровень выступлений был высокий, и, как мне показалось, возник большой взаимный интерес.

Как Вам кажется, какое значение имеют такие конференции в контексте столетия 1917 года, когда началось разрушение русской жизни, русской традиции?

А.П. Козырев: Замысел конференции не был связан со столетием революции. Но, наверное, связь всё-таки есть. Ничего случайного не бывает. Конференция состоялась в октябре, а октябрь – это месяц, именем которого называется октябрьская революция – переворот 1917 года, который устроили большевики. «Главный большевик» Ленин говорил, что есть две культуры – культура эксплуататоров, дворян, буржуазии и культура эксплуатируемых, пролетариата, низов, и что эти культуры антагонистичны. То же самое говорилось и продолжает говорить о морали: что есть мораль богатых, угнетателей и мораль рабов. И что если эти морали приходят в кон-

Сретенский храм в усадьбе Богучарово был создан архитектором-самоучкой. 25 мая 1840 года А.С. Хомяков писал своему другу А.В. Веневитинову: «Начну с просьбы. Податель сего письма, отпущенный мною на волю человек Сергей Александров, ремеслом архитектор, весьма не бездарный, строитель того Великого собора Боучаровского, который тебе известен, едет в Петербург выхлопотать себе звание вольного художника». Называя Александра «новым Пиранези или Палладио», А.С. Хомяков в заключение пишет: «Не откажи ему в своём пособии, то есть замолви доброе слово у предержавших властей... Доброе дело сделаешь и меня одолжишь».

фликт друг с другом, то всё, что мы называем заповедями, все законы общечеловеческой морали перестают действовать: можно убивать, грабить, насиловать... Эта парадигма внедрялась в наше сознание в течение многих лет, и даже сегодня многие наши журналисты, историки, писатели, философы придерживаются того же мнения: что есть две культуры, две морали, что есть ценностное раздвоение, которое вполне оправдано, и его надо держаться.

Возвращаясь к Хомякову, можно сказать, что, может быть, действительно есть некоторое противостояние, но не двух культур, а культуры и антикультуры. Есть дворянские гнёзда, где создавались замечательные проекты храмов, писалась «Семирамида (Записки о всемирной истории)», создавались поэтические и богословские произведения. А есть попытка поднять на вилы тех, кто жил в этих усадьбах. И вот это уже – не культура, а бунт против культуры; называть это какой-то особой «пролетарской культурой», «культурой низов» нельзя. И мы должны это осознать. К сожалению, революция 1917 года, которая сначала, когда казалось, что мы пришли к новой России и произошло освобождение, воспринималась как почти что божественная, провиденциальная, «бескровная Пасха», привела потом к рекам крови и эпохе террора. Об этом стоит вспомнить, обращаясь к каким-то более органическим этапам истории русской культуры и к людям, которые жили в иной системе ценностей, таким как Алексей Степанович Хомяков.

Тем не менее определённое разделение в обществе, восходящее в том числе и к расколу

XVII века, в то время существовало. В этом смысле действительно существовали две культуры (была ведь и настоящая крестьянская культура, но с дворянской они говорили на разных языках). И мне кажется, что как раз Хомяков, может быть, олицетворяет попытку вновь собрать народ, преодолеть это разделение глубоко внутренним, конструктивным, духовным путем.

Конечно, дореволюционный период не следует рассматривать как миф о святой Руси, где был народ-богоносец и всё было прекрасно. Действительно, раскол был тяжёлой раной, и он тоже был кровав. Были не только самосожжения старообрядцев, государством проводились по отношению к ним карательные и полицейские акции – например, по отношению к монахам Соловецкого монастыря, и это осталось в истории России. Хомяков напомнил нам о соборности. А ведь соборность – это умение держаться вместе и преодолевать трагические разрывы.

А ВЕДЬ СОБОРНОСТЬ – ЭТО УМЕНИЕ ДЕРЖАТЬСЯ ВМЕСТЕ И ПРЕОДОЛЕВАТЬ ТРАГИЧЕСКИЕ РАЗРЫВЫ

Другое дело – как их преодолевать, особенно в наше время после всего, что случилось в минувшем веке. На мой взгляд, нельзя забывать о том, что были палачи и были жертвы, и теперь обниматься и примиряться под предлогом того, что у нас единая история и поэтому красивые комиссары должны примириться с белыми офицерами. Логика примирения людей, которые в истории были антагонистами и врагами, не работает. Примирителем должна быть культурная память, которая правильно расставляет акценты и называет своими словами то, что имело место в истории.

Многие говорят, что примирение возможно только через покаяние.

К сожалению, те люди, которые подняли друг на друга оружие, они ушли из жизни. Мы за них не примиримся. А вот как-то примирить в себе отношение к памяти мы, наверное, можем. Это, безусловно, связано с покаянием. Но покаяние не должно отменять сам факт трагедии. Покаяние – это христианское понятие, а трагедия – понятие античное. Оно никуда не делось, и мне кажется, оно связано с осознанием факта невозврата: нельзя повернуть историю вспять и сделать трагедию не бывшей. Нельзя *бывшее* сделать *не бывшим*. Трагедия же переживается через катарсис, через очищение. Наверное, покаяние – это христианский аналог катарсиса, т. е. мы должны в себе умирить эмоции. Но мы не должны отменить память. Мы не должны забыть о том, что было, – например, сказав, что и палачи, и их жертвы равноценны для русской истории.

Как Вам кажется, могут ли события, подобные конференции, посвящённой А.С. Хомякову, стать частью того усилия воспоминания (и поминовения), к которому Вы и возглавляемое Вами Преображенское братство так активно призываете весь последний год?

Священник Георгий Кочетков, ректор Свято-Филаретовского института: Такие конференции, независимо от того, носят ли они научный, краеведческий, искусствоведческий или преимущественно богословско-философский характер, всегда имеют своей целью (может быть, имплицитно) воспоминание не только отдельных идей, не просто внешних фактов, но и тех людей, о которых мы говорим. Мы говорили на конференции о Хомякове, о том замечательном периоде нашей русской истории, когда появилась самостоятельная богословская мысль, когда она расцветала, обогащалась новыми идеями и образами, когда она по-новому оплодотворяла всю русскую жизнь – а на самом деле не только русскую, но и всю православную, а может быть, и не только православную. Вспоминая эти вещи, мы не просто отмечаем духовные, научные, жизненные подвиги, мы не просто призываем к тому, чтобы признать благочестие, и даже, может быть, святость этих людей – мы хотим действительно войти в то предание, в тот опыт, в ту жизнь, которая породила такие замечательные явления нашей истории.

Всякое воспоминание действительно имеет духовное значение. Мы не случайно совершаем поминальные службы и пишем записки в храмах, не случайно стараемся вспоминать происходившие события, как славные, так и ужасные, например, события столетней давности, особенно революцию октября 1917 года в России. Мы вспоминаем всё это для того, чтобы учиться не делать ошибок самим, чтобы учиться тому, как надо сопротивляться греху, злу, пороку, обманам, всему тому, что, к сожалению, иногда одерживает верх в истории. Да, конечно, мы должны думать о том, что такое честь и достоинство человека, как избежать бесчестия, как избежать всякого рода лжи и обмана, зависти или гордыни, как избежать той пассивности, которая не позволяет вовремя идти вперёд, к Богу и друг ко другу навстречу, чтобы, объединившись, побеждать духовных врагов.

Да, мы должны любить врагов, но особенно мы должны любить тех людей, которые нам указывают путь, которые показывают, что значит настоящая православная жизнь в современных условиях, в наше время, в нашу эпоху.

Поэтому и конференция, посвящённая Хомякову, позволяет нам вспомнить о коммюнитарности русского народа, о соборности, о личностности – о тех принципиально важных вещах, на которых надо делать сейчас особый акцент в нашей жизни, чтобы избавиться от разрушительных явлений, принёсших столько страданий и бед нашей церкви, нашему народу, нашей стране, особенно в последнее столетие. Наследие Хомякова (а если вспомнить ещё одну недавнюю замечательную конференцию, посвящённую трагическим событиям середины XVII века, мы можем сказать, что это наследие близко и к лучшему, что

На Круглом столе «Время ли славянофильствовать?»: священник Георгий Кочетков, кандидат богословия, ректор Свято-Филаретовского православно-христианского института; Павел Евгеньевич Фокин, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Государственного Литературного музея; Алексей Павлович Козырев, кандидат философских наук, заместитель декана философского факультета МГУ; Дмитрий Сергеевич Гасак, первый проректор Свято-Филаретовского православно-христианского института

есть в нынешнем старообрядчестве), – это, прежде всего, осмысление и продвижение по пути соборности, по пути общинности, братскости. Русский народ к этому очень расположен, но это есть и во всех людях, во всех народах. И нужно об этом говорить, не опасаясь того, что нас будут подозревать или в индивидуализме, или в коллективизме. Нет, это мы уже пережили, мы это прошли, и мы должны теперь смело смотреть в будущее.

Воспоминание всегда может стать выражением нашей веры в Воскресение. И если на поминальной трапезе от любовного воспоминания о том, каким был при жизни человек, мы ожидаем плодов для него в Царстве Небесном, то какими могут быть плоды такого, как на этой конференции, или иного воспоминания пережившей Катастрофу и практически погибшей России?

Всякое воспоминание пред Богом, если оно совершается именно пред Богом, есть явление любви, свидетельство любви, свидетельство о том, что мы не собираемся оставлять ни прошлого, ни настоящего без поминальной молитвы. Мы хотим, чтобы наше будущее и на земле, и в Царстве Небесном было явлением соборности, было явлением того единства во Христе, о котором как раз и свидетельствуют такие воспоминания. Конечно, любое воспоминание должно быть связано с молитвой, с открытием сердца, укреплением доверия и веры в отношении тех достойных людей, которые оставили великое наследие, способное восстановить целостность и полноту жизни, прежде всего жизни духовной, которой в мире сейчас определяется всё. **КС**

Процветший крест

Продолжавшееся три года усилие по созданию и установке памятника репрессированным членам православных братств принесло свой плод: памятный крест установлен на Левашовском мемориальном кладбище (Санкт-Петербург)

Анастасия Наконечная

Множество братчиков и просто неравнодушных к восстановлению исторической памяти людей приехали в этот день из Москвы, Твери, Воронежа, Екатеринбурга, Архангельска, Вельска и других мест, чтобы принять участие в историческом событии

28 октября 2017 года в нашей стране открылся первый памятник, посвящённый православным братствам. С одной стороны, это странно: братства существуют у нас в стране около 500 лет и за эти годы братское движение переживало несколько сильнейших подъёмов, даже возрождений. С другой – по

крайней мере, практически весь XX век в советской России делалось всё для того, чтобы понятие «братство» не вызывало у людей даже никаких ассоциаций, кроме как с известным лозунгом «свобода, равенство и братство».

Сейчас, читая воспоминания, например, митр. Григория (Чукова) о 1920-х годах в Петрограде, где посто-

янно упоминается то одно братство, то другое, даже не сразу входишь в этот контекст.

И всё-таки ситуация меняется: издаются книги об истории православных братств, возрождаются исторические и появляются новые братства, и вот наконец появился первый памятный знак, посвящённый этим церковным объединениям. Любые

Епископ Кронштадтский Назарий, председатель возрождённого Александро-Невского братства, совершивший освящение памятника, сказал:

Друзья – это те, которые возникают в детстве, юности, с которыми мы идем по жизни. Братство – то, что возникает в Духе Святом, потому что только Господь может заставить нас назвать друг друга братьями и

БРАТСТВА ВОЗНИКЛИ ПОД ДЕЙСТВИЕМ ДУХА СВЯТОГО, КОТОРЫЙ ВОССТАЛ НА ЗАЩИТУ ЦЕРКВИ

сестрами. Братства возникли под действием Духа Святого, Который восстал на защиту Церкви, которую основал Христос. Людям, которые в них вошли, ничего не было страшно. По-человечески все имеют страхи. Самый необходимый – это страх Божий, но по-человечески мы боимся потерять близких, свободу, жизнь. Когда же Дух Святой с такими людьми, они забывают о страхе и становятся, как те мученики, которые были при возникновении Церкви.

Как только мысль о памятнике прозвучала, сразу же, буквально в течение недели у нас появились два прекрасных эскиза. Один из них передавал всю трагедию произошедшего: камень, окутанный колючей проволокой, с проёмом в форме креста. Второй проект – яркий, даже праздничный мозаичный крест в светлом граните с расцветшей виноградной лозой внутри – передавал ощущение и надежды, и победы Воскресения

братства хоть XV–XVI веков, хоть XXI-го отличают две вещи: активное, жертвенное участие в церковной жизни мирян (чаще всего вместе с духовенством) и построение отношений между собой в духе братской любви. Поэтому, наверное, неудивительно, что в этом проекте приняло участие такое большое число людей.

Началось всё три года назад в 2014 году, когда на Левашовском мемориальном кладбище под Петербургом был открыт новый памятник, посвящённый героям Первой мировой войны, репрессированным в советское время. Левашовское захоронение жертв репрессий уникально по сравнению со многими подобными бывшими спецмогильниками НКВД: на нём нет «унифицированных» форм памяти. Наоборот, существует документ, разрешающий ставить самые разные памятные знаки как частным лицам, так и самым разным организациям. В результате это трагическое место становится местом живой человеческой памяти. Здесь есть памятные знаки в честь многих национальных диаспор от белорусов и украинцев до итальянцев и абиссинцев, в честь разных христианских конфессий, иудеев, общины глухонемых, сотрудников Ленэнерго и, конечно, очень многих отдельных людей, независимо от предполагаемого места их гибели и захоронения.

И вот, увидев памятник, поставленный репрессированным членам Белого движения, мы вдруг подумали: ведь Левашово – то самое место, где можно помянуть всех тех членов православных братств, которые встали на защиту Церкви с первых месяцев начала гонений на неё в советской России. Именно в Петрограде этих братств было не менее тридцати (точное число до сих пор неизвестно), существовал целый Союз-Содруже-

ство православных братств, а советские газеты называли это «эпидемией братств».

Как только эта мысль прозвучала в достаточно узком кругу, сразу же, буквально в течение недели у нас появились два прекрасных эскиза возможного памятника. Один из них предложила воронежский скульптор Эльза Пак (Эльза Николаевна даже сделала его небольшую модель), второй – петербургская художница Елена Александрова. Это были два совершенно разных проекта. Первый передавал всю трагедию произошедшего: камень, окутанный колючей проволокой – и сквозь проём, сделанный в форме креста, с одной стороны, была видна сегодняшняя жизнь, а с другой – предощущалась надежда. Второй проект был совсем другим – яркий, даже праздничный мозаичный крест в светлом граните с расцветшей виноградной лозой внутри казался мало связанным с трагедией гибели многих людей. Однако он даже неверующим людям передавал ощущение и надежды, и даже победы Воскресения над всяким злом и смертью.

И уже тут, с первых шагов, началось участие многих людей в проекте памятника братствам. Приехавшая как раз в эти дни из Москвы в Петербург община Андреевского малого братства во главе с духовным попечителем Преображенского содружества отцом Георгием Кочетковым провела целое обсуждение этих двух проектов. Решили так: если будет возможность поставить этот памятник где-то в городе, то в нём лучше будет смотреться более трагический, пробуждающий совесть вариант Эльзы Пак, если же местом установки станет само по себе трагическое место в Левашово – там пусть будет расцветший крест работы Елены Александровой.

Следующий шаг – благословение

Освящение креста в честь святых братчиков и братчиц это не только воспоминание об этих великих людях, способных вдохновить всех нас и всех людей вокруг нас, но это и воспоминание о тех нормах жизни, к которым мы должны хотя бы стремиться, а ещё лучше, устраивать её по примеру этих святых

О том, насколько важно открытие этого памятника для нашей страны и церкви, сказал духовный попечитель Преображенского братства священник Георгий Кочетков:

Сегодня исторический день, день, важный для всей нашей Русской православной церкви, для нашего народа, для всей нашей страны; конечно, и для Петербурга, но не только.

В этот день воздвигается, укрепляется и освящается святой крест – крест в память о невинно убиенных жертвах советского времени, жертвах террора, в память святых мучеников и мучениц, священномучеников, тех, которые были членами православных братств и активными устроителями настоящей христианской, братской и общинной, жизни нашей церкви в самые трудные годы её жизни в XX веке. Подвиг братчиков и братчиц – святых, прежде всего, но и множества других – не должен быть забыт.

Мы настолько отошли от нормальной церковной жизни, что забыли про великую традицию православной церкви жить как братья и сёстры во Христе, жить по-братски, в братолюбии и общении, в братствах и общинах. Поэтому освящение креста в честь святых братчиков и братчиц – это не только воспоминание об этих великих людях, способных вдохновить всех нас и всех людей вокруг нас, но это и воспоминание о тех нормах жизни, к которым мы должны хотя бы стремиться, а ещё лучше, устраивать её по примеру этих святых.

Пусть же Божье благословение будет со всеми собравшимися в этот день! Пусть Господь поможет нам восстанавливать церковную жизнь, устраивая её по законам Христовой Любви во славу Отца и Сына и Святого Духа.

Аминь.

у правящего архиерея. Им как раз незадолго до этого стал Управляющий делами Московской патриархии митрополит Варсонофий. Он с большим вниманием рассмотрел оба проекта и предложил остановиться на расцветшем кресте.

Имея благословение митрополита и пока ещё ни копейки денег, мы занялись вопросом о том, как максимально широко распространить информацию о грядущем проекте и начать собирать средства. Тут же нашёлся человек, который, не будучи православным, согласился помочь с созданием сайта. Мы разместили информацию о проекте на платформе Начинание.ру – и множество незнакомых людей стали переводить по 100, 200, 300 рублей. Часто гости, которые приезжали в Петровское братство из других городов, привозили с собой собранные в их городах пожертвования на памятник. Екатеринбургский кинорежиссер Олег Глаголев так вдохновился идеей памятника, что специально приехал в Петербург для создания фильма о центральном петроградском братстве – Александро-Невском. Вся прибыль, собранная от продажи дисков с этим фильмом, тоже пошла на памятник. Екатеринбургские братчики сразу же предложили помощь и с созданием монумента – из местного мансуровского гранита, под их контролем.

Это было удивительно: идея памятника братствам оказалась по сердцу многим и многим людям, конечно, в первую очередь членам современных братств – Преображенского содружества и других, но далеко не только им.

И это участие продолжалось до последнего. Вплоть до того, что когда нам пришлось буквально за считанные дни перед открытием получать недостающие документы со стороны госучреждений – даже

там нам шли навстречу, буквально брали за руку и подводили к самым высоким руководителям, которые в течение одного-двух дней решали этот вопрос. Знающие толк в работе бюрократической машины братчики только разводили руками: в обычной жизни так не бывает! Даже рабочие, которые приехали ставить фундамент под памятник, были поражены, узнав, на каком месте они работают. И денег за свою работу не взяли.

Однако вернёмся немного назад, в 2016 год. Через два года сбора средств мы увидели, что не собрали и половины необходимого, а памятник, конечно, хотелось поставить к 100-летию возрождения братского движения в России, т. е. до 1 февраля 2018 года. В этот день сто лет назад прозвучал призыв патриарха Тихона к верующим: объединяться в союзы для защиты церкви «силой святого воодушевления», в эти же дни появилось в Петрограде Александро-Невское братство. И здесь, казалось бы, в безвыходной ситуации нам помог грант «Православной инициативы»: сам патриарх подписывает решения по этим грантам, и нам была перечислена недостающая сумма – полмиллиона рублей!

Архитектор Инга Вержбицкая предложила нам замечательный проект – имена братчиков были размещены в основании расцветшего креста. Московская художница Мария Патрушева вместе со своим супругом помогла нам в работе над этими именными плитами. Исторический кружок при Свято-Филаретовском институте присылал имена всё новых и новых братчиков и братств, существовавших как в Петроградской епархии, так и в других регионах России. И это тоже оказалось очень важно: ведь петроградские братства не существовали в безвоздушном пространстве, на призыв патриарха Тихона и Поместного

Приветствия ко дню установки памятника от архиереев Русской православной церкви

Дорогие братья и сестры! Всё, что сотворил человек для сохранения святой веры в Господа, является вечно живым свидетельством силы Божией в человеке. Святая Вселенская Церковь бережно хранит лучшие традиции защиты благочестия, правове- рия и память о подвижниках-героях, отстаивающих Святое Православие. Православные братства в каждую историческую эпоху испытаний веры, потрясений человеческого общества, несущих угрозы устоям православной веры, становились бессмертным щитом, закрывающим путь разрушающим веру угрозам.

Так, в 1918 г. вновь жертвенная святая сила, глубокая вера объединила лучших сынов и дочерей Русской Матери Церкви, и они ценою собственной жизни остановили колесницу молоха, грозившую поглотить святую православную веру. Они приняли огненное испытание и стали святым призывом всех православных – хранить верность Христу и Матери Церкви. Они стали грозным обличением всем иудам, распинающим Святую Церковь. Святой своей жизнью и смертью они доказали святость человеческого подвига во славу Христа. Их молитвами да укрепит Господь и наши сердца в защите святого Православия, Святой Православной Церкви.

С любовью во Христе – митрополит Красноярский и Ачинский Пантелеимон

Молитвенно желаем Братству укрепляться в вере православной, надежде, умножать любовь к Богу и ближним. Пример и «сила святого воодушевления» участников Братства, получивших благословение от Святейшего Патриарха Тихона и ставших новомучениками Церкви Русской, пусть будет путеводной звездой для тех, кто продолжает их дело и обращает свои молитвы!

С благословением на добрые дела и служение Церкви и Отечеству – митрополит Кемеровский и Прокопьевский Аристарх

собора 1917–1918 гг. откликнулись верующие по всей стране.

Несмотря на такую явную помощь и поддержку многих людей, трудностей с устройством памятника было тоже немало, причём до такой степени, что в последние недели приходилось почти каждый день просить многих людей молиться о том, чтобы всё разрешилось.

В конце концов, когда гранитные части памятника были вырезаны, мозаика силами Елены Александровой и сразу нескольких помощниц, в основном из Свято-Петровского братства, – собрана, подступили холода. А при них проводить работы по созданию фундамента и установке камня довольно затруднительно. Так что кому-то из рабочих пришлось в течение ночи сидеть с обогревателем возле памятника... И когда стало ясно, что несмотря ни на что, мы всё-таки успеем, можно было повторять лишь одно: жив Господь!

На следующий день после открытия, во время поминальной агапы,

Дмитрий Гасак (крайний слева), председатель Преображенского братства, которое стало инициатором создания памятника, сказал: «Христиане должны не только оглядываться назад в прошлое и вспоминать то, что было, но стараться быть носителями того духа Христовой жизни, который соединил братьев и сестер в православные братства, существовавшие в самые трудные времена русской истории». Впервые в Левашове в честь освящения памятника братствам побывал вице-губернатор Константин Серов (на фотографии крайний справа). Он возложил цветы к памятнику и сказал о том, как важно помнить произошедшее с нашей страной в XX веке

в память обо всех пострадавших во время советских репрессий, которая собрала не только членов нашего Свято-Петровского братства, но и кого-то из оставшихся в Петербурге гостей,

вдруг прозвучало: а ведь это тоже день воздвижения креста – Братское крестовоздвижение. Видимо, так этот день и будет назван в нашей памяти. **КФ**

Братский помянник

В ноябре мы вспоминаем сразу нескольких людей, не просто связанных с общинной и братской жизнью, а стоявших у истоков целых духовных движений.

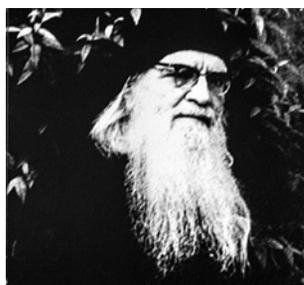
9 ноября 1941 года скончался епископ-катехизатор **Макарий (Опоцкий)**

Епископ Макарий (Опоцкий) (1872–1941), основатель братства

О нём и его ближайших помощниках, расстрелянных в декабре 1937 года, читайте в следующем номере «Кифы».

11 ноября 1971 года скончался архимандрит **Борис (Холчев)**

Архимандрит Борис (Холчев) (1895–1971)

Отец Борис, начавший свою церковную жизнь

в мечёвской общине, был одним из немногих, кому позволялось в самое активное время гонений на церковь произносить проповеди в храме, и делал он это по-настоящему вдохновенно. Вёл он и огласительные беседы.

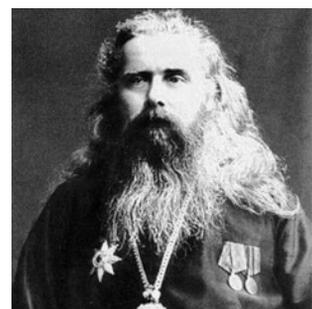
15 ноября 1794 года скончался преподобный **Паисий Величковский**

Прп. Паисий Величковский (1722–1794)

Пастырь, переводчик, основатель большой общины, он внёс поистине «свежее дуновение в монашескую жизнь».

20 ноября 1937 года расстрелян митрополит **Кирилл (Смирнов)**

Священномученик митрополит Кирилл (Смирнов) (1863–1937)

Мало кто знает, что митрополит Кирилл – один из основателей Кирилло-Сергиевского Урмийского братства в Петербурге (1904 г.), активный участник Крестовоздвиженского братства в Тамбове (1909 г.).

Будучи первым кандидатом в патриархи после кончины патриарха Тихона, он долгие годы провёл в советской тюрьме, ни под какими пытками не согласившись пойти на сотрудничество с безбожной властью.

25 ноября 1937 года скончался протоиерей **Александр Глаголев**

Протоиерей Александр Глаголев (1872–1937)

Отец Александр, профессор Киевской духовной академии, пережил несколько арестов, в том числе за принадлежность к иосифлянам. В 1937 году вынес 18 допросов, умер в тюрьме от пыток.

29 ноября 1937 года были расстреляны **архиерей, клирик и мирянин**, о которых хотелось бы вспомнить.

Архиепископ Иннокентий (Тихонов)

Священномученик архиепископ Иннокентий (Тихонов) (1889–1937), один из основателей и руководителей Александрово-Невского братства

Владыка Иннокентий был вдохновителем братского движения в Петрограде, одним из инициаторов создания петроградского Союза-Содружества православных братств в 1920 году.

Священник **Иоанн Савичев**, член братства вл. Макария (Опоцкого) до 1937 года. Отец Иоанн вышел из братства, однако был расстрелян как член братства.

Алексей Иванович Беляев, 1863 г. р., сапожник. Был членом братства вл. Макария (Опоцкого). Расстрелян.

Насколько реально воплощение решений Поместного собора в жизни будущей России

Мы завершаем публикацию фрагментов круглого стола «Поместный собор 1917–1918 гг.: пути обновления церковной жизни», проходившего на пленарном заседании фестиваля «Преображенские встречи»

Д.С. Гасак, председатель Преображенского братства, соведущий круглого стола: Поместный собор 1917–1918 гг. не завершил работу, его действие насильственно прервали. Начались открытые гонения, фактическое уничтожение церковной организации, церковных объединений и церковных служителей. Сегодня мы имеем дело с тем, что плоды этого собора не выявлены, его результаты оказались несоразмерными и масштабу подготовки, и масштабу соборных обсуждений и решений, которые были приняты. Видите ли вы не только внешние, но и внутренние причины этого?

Г.М. Запальский, кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой истории церкви Исторического факультета МГУ: Да, действительно, бросается в глаза несоразмерность масштабнейших решений, которые в целом затронули практически весь накопившийся за два столетия потенциал вопросов в жизни церкви, и их воплощения. Более 20 отделов обсуждали на соборе всевозможные проблемы, и по каждой из них было принято соборное определение или как минимум подготовлен какой-то доклад – то есть опять же сделан шаг на пути кодификации этого вопроса. Но при этом я бы всё-таки не говорил, что все решения остались на бумаге. Определённые важные решения были проведены в жизнь – скажем, не только патриаршество, но

в целом новая модель управления церковью: не напрямую через государство, не через Святейший синод, а всё же через соборы. Как бы редко они ни собирались в двадцатом веке, но всё-таки институт поместных соборов и вообще соборов был восстановлен, так же как и патриаршество. Был создан новый орган – Священный синод, который вместе с патриархом управлял церковью «в оперативном плане». Был и целый ряд других решений, более мелких, которые всё-таки были проведены в жизнь.

Кроме того, действительно, за это столетие Собор оказался беспрецедентным по своей авторитетности. И так или иначе, мы до сих пор оборачиваемся на него и что-то из него используем. Это делали эмигранты в Русской православной церкви Заграницей в различных своих решениях. Это делали и представители Московской патриархии здесь в России: принимая новые решения по самым разным вопросам, они всё равно использовали опыт Собора, пусть и в какой-то его части.

В полной мере его наследие оказалось не воплощённым, но, на мой взгляд, наследие собора – это не столько какие-то нормы, которые он предложил, но, собственно, *сам собор*. Это его тексты, в которых сохранилась память о 1917–1918 годах, о том времени и людях, которые тогда жили, и, кроме того, обо всём предшествующем синодальном периоде – поскольку собор, так уж получилось, подвёл итог этих двухсот лет. Поэтому в любом случае его нельзя считать бесплодным. Он является как минимум интереснейшим и важнейшим историческим памятником, который помогает нам лучше понять и нашу современность.

Е.В. Белякова, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник института Российской истории РАН: Я соглашусь с Глебом Михайловичем: значение Собора определяется не тем, что какие-то из

его решений воплотились или не воплотились в жизнь. Значение его намного больше и выходит за рамки Русской православной церкви. Собор имеет международное значение. Он вдохновлял эмиграцию. Он в какой-то степени побудил и Второй Ватиканский собор. То, что миряне были привлечены к соборной деятельности, настолько важно, что это ещё, по-видимому, будет иметь последствия для Русской православной церкви и других церквей.

А то, что его решения не выполняются... Здесь есть большая проблема: движение обновленчества и своим «собором» 1923 года, и лишением сана патриарха Тихона, и всей своей деятельностью по сотрудничеству с безбожной властью компрометировало идею церковного обновления. Причём эта компрометация, к сожалению, укрепились в церковном сознании до сих пор. И это тоже очень важно. Последующая же эпоха тоталитаризма сделала невозможным осуществление какой бы то ни было соборной жизни.

Это вообще большая проблема, которая нуждается в обсуждении: возможна ли соборность при тоталитаризме? И какая всё-таки нужна форма правления для нормальной жизни церкви? Абсолютистская, к которой так стремится православная церковь, или демократическая? Как бы то ни было, собор ещё, конечно, прозвучит и будет иметь значение.

Д.С. Гасак: Действительно, получается, что некоторые решения собора оказались как бы отложенными. А иногда воспринятыми не там, где ожидалось. Этот импульс вышел на поверхность церковной жизни в местах совершенно неожиданных: в эмиграции и даже в иных христианских церквях.

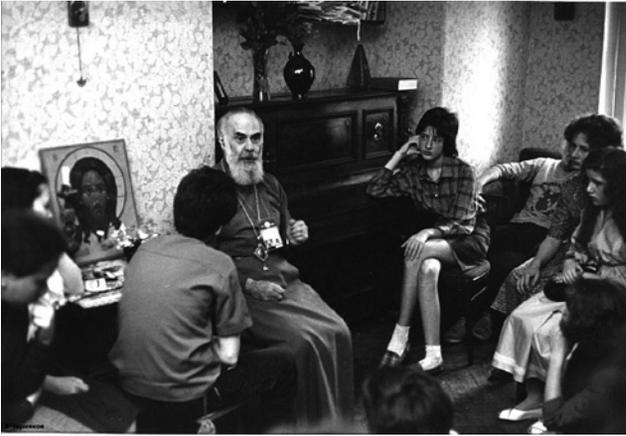

Юлия Балакшина, председатель Свято-Петровского малого православного братства, соведущая круглого стола: Ситуация выглядит парадоксальной: Собор для своего времени опоздал, но дал мощный импульс для будущего.

Священник Илья Соловьёв, кандидат исторических наук, директор Общества любителей российской истории: Я думаю, что Поместный собор 1917–1918 гг. в церковном смысле имеет огромное значение. Прежде всего и только потому, что на нём была провозглашена идея соборности, *соборноправности* в церкви как основы церковной жизни. Это главное и единственное значение собора, на которое никак не могли повлиять последующие исторические события. Да, многие остальные решения были отложены, упразднены, деформированы и т. д. и т. п., но провозглашённая на соборе идея *соборноправности* сохранилась и придавала этому собору тот аромат и авторитет, о котором многие сейчас говорили. И всё остальное было не просто отдельными актами. Это было создание целой системы церковного управления, которая должна была действовать слаженно во взаимодействии одной части с другой. Никакая часть из этой системы сама по себе не имеет ценности – ни патриаршество, ни Священный синод, ни Высший церковный совет – только вместе, и именно в том виде, в котором заложил это Собор 1917 года. Ведь что значит для церкви восстановление патриаршества в период сталинской диктатуры? Или что такое Священный синод в 1927 или 1928 годах? Понятно, что это не работало так, как задумал собор, и работать не могло.

И вот здесь мы подходим к очень важному вопросу о том, насколько реально воплощение решений Поместного собора 1917–1918 гг. в современной жизни и в жизни будущей России. Мы видим, что нигде и никогда в истории во всей полноте эти решения не были осуществлены. Некоторые говорят о русском Западноевропейском экзархате, где церковное управление в наибольшей степени соответствовало принципам, заложенным на Соборе. Но ведь там не было патриаршества, там не было всей системы, она не работала. Обновленческие соборы 1923 и 1925 года тоже пытались в какой-то степени реанимировать идею участия мирян в церковном управлении. Создавались митрополичьи округа, была принята выборность епископата. Но, опять же, системы, какую предложил собор 1917–1918 гг., ни на одном из этих соборов установлено не было. Нигде и никогда в истории церкви решения собора не получили

Потомки первой эмиграции стремились воплотить дух и отчасти букву решений Поместного собора и в Сурожской епархии Русской православной церкви, и в Западноевропейском экзархате, и в Американской православной церкви. На фотографиях: Владыка Антоний (Блум) в один из своих визитов в Россию в 1970-е годы: воскресная беседа-проповедь на квартире; протопресвитер Александр Шмеман с супругами Струве и студентами Свято-Владимирской семинарии

своего практического применения. Почему? Потому что та система, которая была создана собором, рассчитана на её использование и употребление в свободной церкви, которая существует в свободном государстве. А такого государства в России на протяжении последних ста лет не было. Так же как не было свободной церкви.

При Сталине можно было сконструировать любую систему: установить Высший церковный совет, митрополичьи округа, даже избрание епископов декоративно можно было реанимировать, так же, как было восстановлено патриаршество. Всю форму можно было соблюсти. Но это была не свободная церковь, было не свободное государство. И в этих условиях работать эта система по определению не могла.

Будет ли в будущем или в настоящем возможно воплощение в жизнь решений Собора 1917 года? Это связано ещё с одним вопросом: не будет ли восстановление этой системы, которое может произойти, декоративным? Не приведёт ли оно к девальвации самой идеи, которая была высказана на Соборе? Вот вопрос, на который дать ответ сейчас трудно. Я думаю, что если в России будет свободное государство, от которого будет отделена свободная церковь, и церковь будет развиваться по своим собственным законам, а не по тем законам, которые диктуют со стороны те или иные силы, то, возможно, часть из этих решений возымеет своё практическое значение в церковной жизни. Если этого не произойдет, если церковь будет несвободна, если она будет находиться в зависимости от государства – в любой зависимости, не обязательно такой, какая была при Сталине, Хрущеве или Брежневеве, – то воссоздание этой системы в условиях несвободного государства не будет иметь никакого практического значения.

Д.С. Гасак: Это очень важно. Я также думаю, что для того, чтобы прекрасные решения Собора можно было осуществить, нужна и благодатная почва подлинной соборной церковной жизни.

Священник Георгий Кочетков, ректор Свято-Филаретовского института: Поместный собор действительно, по моему мнению, – явление огромного масштаба. Он был, конечно, не только внешне заблокирован, он был и внутренне противоречив и, мне кажется, именно здесь надо искать основную причину его действительности, но (во всяком случае, пока, до времени) недейственности. Может быть, в будущем к нему ещё будут обращаться и, может быть, кто-то продолжит и завершит его работу.

Я считаю, что этот собор до сих пор не закрыт. Церковь его не закрывала! Значит, надо не только признавать принятые решения, но и помнить, что собор каким-то чудесным образом продолжается.

Но тут нам, конечно, надо и выбирать, что из наследия собора поставить на первое место, а что убрать в архив, ведь что-то в нём могло быть или ошибочным, или несовершенным, или слишком ситуационным. Конечно, надо ещё и что-то добавлять. История же идет не просто так. Мы слишком дорого заплатили за её последние сто лет, и всё добытое за последнее столетие надо осмыслить адекватно и в целостности, в полноте, а затем всё самое ценное внести в работу по продолжению собора.

Самое же главное – надо наконец-то признать, что константиновская эпоха церковной истории закончилась. Настала постконстантиновская эпоха, хотим мы того или не хотим. Да, эта эпоха в чём-то схожа, а в чём-то и не тождественна с доконстантиновской эпохой, но мы её должны осмыслить, воспринять и сделать адекватные выводы. **КФ**

Семнадцатый год и семнадцатый век

Из приветственного слова ректора Свято-Филаретовского института священника Георгия Кочеткова на конференции «Соборы 1666–1667 годов и их последствия для русской церковной жизни»

Тематика этой конференции чрезвычайно важна. Такое обсуждение работает и на будущее, и на настоящее, и, надеюсь, на исцеление прошлого. Это самое главное. Как это сделать и можно ли это сделать в наших условиях или на это понадобится тысяча лет, никто не знает, но совершенно ясно, что православные люди задумываются над этим. Я очень надеюсь, что эта конференция будет плодотворной, братской, благодатной во Христе. Желаю вам всем вдохновения и духовного дерзновения, которое требуется всегда, когда мы говорим о таких серьезных вещах.

Два печальных события русской истории, связанные между собой, – прежде всего борьба с нестяжателями, а потом раскол в середине XVII века – до сих пор приносят боль всем православным людям. И очень важно, чтобы весь церковный народ, а не только люди, интересующиеся историей, знал больше, понимал больше, чтобы было больше любви и меньше ожесточения, меньше обид и огорчений. Понятно, что нам всем есть в чём каяться. А в год столетия событий октября 1917 года без покаяния совсем уж невозможно обойтись. И, наверное, при этом нельзя забыть и того, что произошло в России в середине XVII века.

Конференция собрала докладчиков и неравнодушных слушателей, представлявших Русскую православную церковь, Русскую православную старообрядческую церковь и Древлеправославную поморскую церковь

Думаю, что Большой Московский собор с его решениями должен постепенно вытесняться на периферию канонической сферы с перспективой полного выдворения за её рамки. Это вполне возможно по аналогии с Декларацией 1927 года

Из выступления игумена Кирилла (Сахарова),
настоятеля храма святителя Николая на Берсеневке¹ (Москва)

Семнадцатый век, безусловно, трагедия – трагедия русского народа прежде всего. Ослабление народа, державы.

Что делать? На мой взгляд, нужны реалистичные, последовательные, небольшие шаги вперёд для того, чтобы уменьшить объём зла в этом мире. Я не говорю сейчас о перспективе какого-то объединения. Я довольно пессимистичен в этом плане. Но если что-то в этом мире было неправдой, если что-то было злом, значит, это должно

быть обозначено и к этому явлению должно быть соответствующее отношение. Вспомните Декларацию 1927 года: она не была осуждена, не было покаяния по этому поводу, но ещё патриархом Алексием II было заявлено, что мы не руководствуемся сейчас этим документом в плане церковно-государственных отношений – это документ прошлого. Думаю, что Большой Московский собор с его решениями должен постепенно вытесняться на периферию канонической сферы с перспективой полного выдворения за её рамки. Это вполне возможно по аналогии с Декларацией 1927 года.

Тут уже поминали Деяние 2000 года Русской православной церкви Заграницей. В более крупном организме, таком, как Московский патриархат, такие решения труднее принимать. Поэтому небольшими шагами, но неуклонно нужно идти вперед, делать то, что реалистично, что видится вполне возможным. А там уж как Господь устроит: на всё Его святая воля.

Конференция собрала множество слушателей, и мы попросили одного из них поделиться впечатлениями

Почему Вас заинтересовала тема конференции? Это связано с тем, что у Вас есть старообрядческие корни?

Лариса Аккуратова, член Преображенского братства (Русская православная церковь): Для меня Рогожская слобода² очень близка, потому что я росла в этой среде. Мои родственники жили в Певческом корпусе, который сейчас восстановлен. И когда я ходила по Рогожскому кладбищу, у меня всегда было впечатление, что проглядывает мир, которого уже нет, – потому

что бабушка моя там ходила и говорила: «Это моя одноклассница, это моя бабушка, это моя подруга...»

А что было наиболее интересно на самой конференции?

Размышления о связанности событий. Меня поразило, что это было первое разделение народа на «своих» и «чужих». И первая серьёзная эмиграция, когда наши соотечественники оказались в самых разных странах – Латвии, Литве, Швеции...

Но самым важным было для меня, наверное, то, что говорил Михаил Александрович Дзюбенко. Мне было очень близко, что он пытается найти какие-то возможности диалога и показывает, что на самом деле они были всегда. Мне это, конечно, очень близко, мне бы очень этого хотелось. Может быть, это разделение до конца и не уврачуется, но, по крайней мере, поиск в этом направлении мне кажется чрезвычайно важным.

¹ Старообрядный (единоверческий) приход Русской православной церкви.

² Рогожская слобода в Москве – исторический духовный центр старообрядчества.

«Кифа» обратилась к участникам конференции с вопросом:
«Сегодня на конференции несколько раз вспоминали слова Солженицына о том, что корни событий 1917 года лежат в событиях XVII века, что если бы не было такого разделения в Церкви и вследствие этого – в народе, так бы сильно нас не ударило в начале XX века. Как Вы относитесь к этому тезису?»

Протоиерей Иоанн Миролубов, руководитель Патриаршего центра древнерусской богослужбной традиции: С этими словами я абсолютно согласен. После событий XVII века произошло не только разделение церкви, но и разделение общества. Общество социально расслоилось настолько, что люди просто перестали друг друга понимать. Вместо единой национальной культуры возникли разные сословные культуры – это несомненный факт. При этом переход из одного сословия в другое был весьма затруднён, а выделение духовенства в замкнутое сословие – это рана не скажу что смертельная, но чрезвычайно серьёзная. Переход из монолитного средневекового общества в общество Нового времени произошёл крайне болезненно, с решительным изменением ценностных ориентаций.

Александр Сергеевич Лавров (Париж, Университет Париж-Сорбонна): Я глубоко в этом не уверен. Я думаю, что мы говорим о совершенно разных, не пересекающихся, или, может быть, лишь иногда пересекающихся линиях. Мы очень любим в силу некоторых традиций школьных учебников, повествующих о военных победах, идеализировать государство раннего времени. А государство раннего времени не только в Англии или во Франции, это и в России такой Левиафан, которому свойственно было пожирать и ломать. Старообрядцы оказались в этой путине не только потому, что были каким-то избранным отрядом, а потому что они стали (хотя это, может быть, горько для людей с этой идентичностью слышать) идеальной жертвой. Посмотрите, что в это время происходит в немецких княжествах, посмотрите, что мы имеем

Как Вам кажется, если так много времени всё это тянется, есть ли какая-то надежда на исцеление?

Надежда у верующего человека всегда должна быть. Если у него нет надежды, то трудно назвать его верующим.

Сейчас есть люди (чаще всего не в христианстве, но и в христианстве тоже), которые в своей вере ищут радикальные черты и становятся радикалами. А есть те, кто приходит к Богу и обретает целостность, понимает, что мы прежде всего христиане, а уж потом восточные христиане того или иного обряда. Если человек приходит прежде всего ко Христу, то ищет любовь и старается её находить, обретает любовь и облакает себя в любовь и к другим людям. Это никуда не пропало. И в этом есть надежда на то, что мы идём Божьим путем. Так и начинается процесс исцеления. Между теми, кто идет действительно Божьим путем, не возникает непроходимых средостений. Они чувствуют друг друга и понимают друг друга. Это зависит и от степени молитвы, какую человек в себе стяжал. Так что на каком-то уровне, может быть, не особенно это разделение и чувствуется, хотя на другом переживается очень живо.

во Франции. Я не буду подбирать какие-то ассоциации: старообрядцы и яansenисты и т. д. Но государство раннего времени безумно репрессивно. Ему недостаточно просто сослать, отрубить руки и т. д. Оно требует некоторой «всеобщей мобилизации», требует того, чтобы доносили, чтобы предавали...

Преподавая в Сорбонне, Вы затрагиваете какие-то проблемы из того круга вопросов, которые обсуждались здесь на конференции?

Во Франции, как Вы знаете, и среднее, и высшее образование носит строго секулярный характер. И курс, придуманный нами вместе с моими коллегами из Университета Париж-8, где я тогда работал – *Le fait religieux* (или феномен религии) – как раз задумывался в полном соответствии с нормами этого закона. Мы должны были объяснить нашим студентам, у которых не было никакой религиозной информации, какую-то азбуку. И мы это делали. Нас было трое: блестящий специалист-исламовед, коллега, которая занималась еврейской традиционной культурой, – она читала лекции об иудаизме, а я отвечал за христианство в целом. До православия я чаще всего даже не добирался, нужно было прежде объяснить самые фундаментальные вещи.

Мы очень любим в силу некоторых традиций школьных учебников, повествующих о военных победах, идеализировать государство раннего времени. А государство раннего времени не только в Англии или во Франции, это и в России такой Левиафан, которому свойственно было пожирать и ломать. И старообрядцы оказались идеальной жертвой

Скажите, а сами эти вопросы кого больше интересовали? Особенно когда дело касалось нашей ситуации, здешней, русской? Были ли среди Ваших студентов потомки эмигрантов?

Да, потомки эмигрантов приходят, и у нас есть представители всех волн эмиграции. У нас есть и те, кто позавчера оказался во Франции, и третье поколение первой и второй эмиграции (Франция – это особый случай, в ней первая и вторая эмиграции как бы консолидировались).

В Болонской системе предусматривается, что курсы могут быть совершенно разного уровня. Один раз мне очень повезло: я тогда работал в блоке семинаров магистратуры, в котором начальство было очень терпимо, в том числе и к ничтожному количеству слушателей, которое собирали иные семинары. И поэтому я целый семестр мог заниматься «Житием протопопы Аввакума». У меня была небольшая группа, идеальный французский перевод (он сделан Пьером Паскалем), с которым можно работать на очень хорошем уровне. В группе были и франкоязычные, и русскоязычные студенты: один этнолог, один богослов, имеющий богословское образование, и несколько интересующихся. Я жалею до сих пор об одном – что я не протоколировал.

Насколько среди потомков эмигрантов катастрофа 1917 года до сих пор переживается болезненно, порождает вопросы – за что и почему? Ведь во Франции их окружает совершенно другая атмосфера, там никто не переживает по поводу Великой французской революции, казни короля, королевы, многочисленных представителей аристократии и сотен тысяч крестьян Вандеи...

Маленькая история, которую я расскажу, будет ответом на Ваш вопрос. Лучшего у меня просто нет. Первый вопрос на экзамене по моему курсу истории XX века должен быть довольно простым, по одной теме, которую мы разобрали вместе и по которой студенты читали тексты на семинаре. Я задаю что-то совсем фундаментальное: например, коллективизация, её ход, результаты. Что бы Вы могли подумать? Половина мне пишет: «это было тяжёлое испытание, из которого вышла великая держава». Половина пишет – «это была трагедия народа». 50 на 50. Я начал преподавать русскую историю в 1991 году и никогда не говорил ни слова про великую державу и великие испытания. Откуда они это взяли? Наверное, из семей, или из школьного образования. И это действительно 50 на 50: за – против, за – против.

О Французской и Российских революциях вопрос очень сложный, но юбилей Российской революции – это сейчас огромное событие во французском обществе. Я всё время прохожу мимо киосков и вижу иллюстрированные журналы, куда все мои коллеги пишут одну, вторую, третью, четвертую статью, возвращающую читателей к 1917 году. Это очень важная тема.

Но то, что происходит тут, в России, на мой взгляд, это как бы отсутствие юбилея.

Какой уж тут юбилей... В этом смысле старообрядческая церковь приняла очень верное по тону заявление, что воспоминание национальной трагедии невозможно отмечать в каком бы то ни было положительном смысле.

Мне трудно сказать о том, что такое здесь положительный смысл. Мне кажется, это могло бы случиться, если бы, например, целая парламентская фракция просто принесла цветы на могилу юнкеров. Было такое? Нет.

Возвращаясь к революции. Еще в 1990-х, когда я преподавал в России, я принимал экзамен кандидатского минимума у коллеги, которого очень ценю (он совершенно замечательный историк), и тот сбивался в рассказе об Октябрьской революции в Москве в самых простых вещах. И я понял, почему: перед ним был учебник, в котором советские клише уже были убраны, но на их месте не возникли новые какие-то оценки или характеристики. Я не говорю, что учебник должен быть советским или антисоветским, что в нём обязательно должны быть «наши» и «не наши». Но в этом учебнике решительно не было объяснено, кто с кем боролся в октябре 1917 года в Москве: за кого были большевики, было более или менее понятно, но было абсолютно невозможно понять, за кого были юнкера.

Историческая политика – не прихоть, историческая политика – это очень важная функция в том числе и политических элит. Её надо проводить, и даже если не хочется обидеть ни тех, ни этих – и эти вроде бы хорошие, и те неплохие – она требует сильных и неординарных жестов. Не знаю, видели ли Вы эти кадры; я их видел однажды во французском документальном фильме, и они меня глубоко потрясли. В отличие от сегодняшних дней, в послевоенное время в Польшу редко ездили западные лидеры. В Освенцим они тогда не ездили совсем. Приехал де Голль – поклонился, возложил венок – и написал несколько точных слов в Книгу памяти, ставших цитатами. Те, кому это было важно, услышали и увидели. Вот так, искренне, без попыток дать авансы «и нашим и вашим», и делается историческая политика. **КФ**

Глеб Чистяков, редактор сайта «Русская вера», (Москва, Русская православная старообрядческая церковь): Мы об этом давно говорим, это мысль не одного только Солженицына. Разделение было религиозным, а в конечном итоге стало культурным и классовым. Мы же помним послепетровское время: вся элита говорит на французском языке, а низы – на русском. И естественно, эти разделения не могли существовать вечно. Они привели в конечном итоге к классовому озлоблению и к революционным событиям, которые в свою очередь привели к жертвам по всей России. То есть религиозное разделение постепенно, будто какая-то болезнь, отравляло атмосферу и разрывало русский народ. И плоды были печальными.

И каким Вы видите исцеление?

Конечно, без покаяния в этих страшных событиях, и в расколе, и в революционных событиях, оно, наверное, невозможно... Особенно это касается безбожного режима: вроде бы то, что при нём творилось, осуждено, а реально-то ни общественного порицания, ни общественного процесса не было. В каждом отдельном случае кто-то реабилитирован, а какого-то общего общественного мнения не выработано.

Многие считают, что и правильно всё было: если лес рубят, щепки летят. То есть общего осознания этих событий не произошло. В 1990-е годы пытались что-то сделать, но только памятник Дзержинскому столкнули и на этом всё закончилось. Переосмысления, перерождения общества, очищения не произошло. Формально мы убрали портреты вождей, заменили на другие портреты, а системного исцеления не произошло.

Я знаю, что старообрядческая церковь выступала с заявлением, что 1917 год нельзя отмечать как праздник...

Да, было такое заявление. Там говорилось, что это год трагедии для России, пролог к безбожному режиму, к уничтожению верующих и неверующих.

Предпринимались ли в связи с этим заявлением какие-то молитвенные усилия, может быть, поминовение тех, кто погиб?

У нас в старообрядческой церкви проходят регулярные заупокойные службы по репрессированным – раз в год, во второе воскресенье после Дня всех святых совершается служба в память жертв террора и безбожного режима. Мы знаем, что и на Бутово похоронено много старообрядцев, и в других основных местах захоронений. 29 октября к Лубянскому камню ходят наши христиане: Алексей Владимирович Воробьев, преподаватель Высшей школы экономики, зачитывает имена старообрядческих священников и епископов, которые были репрессированы.

Кирилл Яковлевич Кожурин (Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Древлеправославная поморская церковь): Я совершенно согласен с этим мнением, поскольку сам достаточно много занимался историей старообрядчества, изучал истоки и последствия событий XVII века. Конечно, то разделение, которое тогда произошло, оказалось катастрофическим. Впоследствии мы видим, что после церковного разделения происходит, начиная с Петровских времен, разделение культур. И если прежде наше общество было в плане культурном всё-таки достаточно цельным, со временем произошла вестернизация правящей элиты. В результате она настолько отделилась от народа, что они заговорили на разных языках уже не только в культурном, но и в буквальном понимании этого слова. Помните начало «Войны и мира» Льва Толстого, этот салон, где все общаются по-французски? Безусловно, такое разделение не могло не привести в результате

к конфликту. И то, что произошло в 1917 году и в последующие годы, например, в 1937-м, – это всё результаты. Десятилетиями, столетиями копилось, копилось это взаимное отчуждение и вылилось вот в такие трагические события нашей истории.

Как Вы думаете, что нужно сделать в будущем, чтобы преодолеть последствия этих событий?

Было бы, наверное, утопичным считать решением этого вопроса возвращение к истокам – туда, откуда мы ушли. Но, безусловно, те или иные элементы традиции сохраняются и продолжают возрождаться. В той же патриаршей церкви мы видим возвращение каких-то элементов дораскольной символики, и, может быть, даже каких-то богослужебных моментов. Но самое главное – мне кажется, должен произойти возврат к изначальному архетипу, сложившемуся при зарождении нашей русской цивилизации, когда при князе Владимире было воспринято христианство, и затем развивавшемуся вплоть до Никоновских и потом уже Петровских реформ, когда произошли все эти изменения. Я считаю, что старообрядческий архетип близок к нему.

В одном из докладов сегодня прозвучало, что хотя существовал разрыв, но не было полностью глухой стены, отгороженности, т. е. все равно знакомство, вза-

Вот оно, примирение. Оно происходит через общение, через такие встречи, как эта конференция, через совместную работу. Это происходит не сверху. Сверху могут самые разные ветра дуть. Это происходит снизу

имовлияние присутствовало как с одной, так и с другой стороны. С середины XIX века мы видим, например, возрождение русского стиля в архитектуре, в живописи, интерес к русской истории, культуре – вплоть до интереса к русскому костюму. Помните знаменитый

костюмированный бал 1903 года, в котором участвовала вся наша аристократия в костюмах времён Алексея Михайловича? И конечно, это возрождение интереса к дониконовской Руси, особенно в начале XX века, о многом говорит.

Михаил Александрович Дзюбенко (Москва, Русская православная старообрядческая церковь): Этот тезис, честно говоря, не верифицируем абсолютно. Как я понимаю, идея Солженицына была такова: если бы тогда не случилось раскола, то революции в России не было бы. Я, честно говоря, сомневаюсь, что революции в России вообще можно было избежать. Для этого страна должна была быть другой, поменьше... Практически все крупные страны прошли через революцию. И события XVII века уже были революцией. Что, собственно, происходило? Дело в том, что русское Новое время началось не с Петра, а со смены династии, с воцарения Романовых. У этой династии были свои задачи, в том числе задача вестернизации (в широком смысле слова). И церковный раскол, церковные события XVII века в эту общую политику вписываются.

Революция в России, – у меня есть на этот счёт своя концепция, – это нечто аналогичное смене Средневековья Ренессансом, когда патриархальная культура сталкивается с новой культурой взрывным образом. Но это очень сложно в двух словах обсуждать. Так что, на мой взгляд, слова о связи 1917 года и XVII века – это всего лишь красивый нумерологический эпиграф.

Мне кажется, старообрядчество объединило тех людей, которые, стремясь к спасению, не могли при этом никоим образом представить себе церковь в качестве «ведомства православного исповедания». Как Вы думаете, почему не получилось какого-то внутреннего примирения в те годы, когда и господствующая церковь, и старообрядческая оказались равно гонимы и имперскость приказала долго жить?

Начну с конца. А почему Вы считаете, что не получилось примирения? Вот мы сидим рядом, выступаем на одной конференции. А что ещё нужно? Патриарх Кирилл с митрополитом Корнилием тоже встречаются, в общем-то, мирно.

Дело в том, что мы как раз мыслим это примирение в традициях имперскости. Вспомним, как представлял себе это епископ Андрей (Ухтомский): вот один крестный ход идёт от храма Христа Спасителя, а другой идёт с Рогожского кладбища, и все торжественно соединяются на Красной площади. Но ведь это какой-то театр.

В реальности же было то взаимодействие, взаимопроникновение, о котором я говорил в своём докладе, и оно усилилось в годы советских гонений. Вот пример: общество «Икона» в Париже, которое возглавлял Владимир Павлович Рябушинский, донесло традиции дореформенной иконописи до наших дней, поставляло иконописцев для всей Зарубежной церкви, а те, в свою очередь, передавали эти иконы сюда. Вот оно, примирение. Оно происходит через общение, через такие встречи, как эта конференция, через совместную работу. Это происходит не сверху. Сверху могут самые разные ветра дуть. Это происходит снизу. Идёт совершенно неуклонное движение. Оно, можно даже сказать, не зависит от каких-то личных факторов. Есть те или иные люди, которые на что-то влияют, но их может и не быть, это объективное движение, вот и всё.

Что же касается «имперскости», то я уже говорил сегодня, что старообрядчество имеет, может быть, не вполне осознанный, но всё-таки «новгородский» идеал. В Новгороде была хоть и боярская, но республика. И при этом все осознавали себя членами единой церковной общины. Новгородский митрополит фактически считался главой государства, хотя государство не было теократическим. Он скреплял все государственные документы своей печатью. И этот дух – дух этой «вольной площади» – он есть в старообрядчестве. Вы скажете: «Откуда Новгород? Почему?» Новгород ведь ещё задолго до событий XVII века был покорён. Но дело в том, что многие новгородцы с семьями были переселены при Иване III в Нижний Новгород. И там всё это осталось...

Атлантический океан 1917 года

Мы продолжаем публиковать фрагменты встречи предводителя Российского и Московского Дворянского собрания О.В. Щербачёва с членами Введенского малого православного братства

О.В. Щербачёв: Мне хотелось бы начать с того, что где-то в 1970-е годы в Соединённых Штатах Америки наблюдался ярко выраженный генеалогический бум. Начало этому буму положила книга одного афроамериканца, посвящённая его собственному генеалогическому расследованию. Это был обыкновенный американец, который решил вдруг заняться генеалогией, узнать, откуда его предки. Он очень авантюрно и, видимо, неплохим языком изложил, как съездил в Африку, нашел ту деревню, где жила его бабушка или прабабушка, узнал, как их продали в рабство, привезли в Америку... Эта книга произвела такое сильное впечатление на американцев, я думаю, в связи с тем, что сама по себе американская нация по определению лишена корней. Атлантический океан перерубил эти корни. Конечно, кто-то переехал этот океан сто, кто-то – двести, а кто-то – даже триста лет тому назад (но таких не так уж много). А большинство этот океан пересекли в обозримом прошлом, и их жизнь началась практически с чистого листа. А ведь всегда интересно заглянуть вглубь истории и узнать, что же было «до тебя», понять, что началось всё не пятьдесят и даже не сто лет назад, а гораздо раньше. И что современные американцы тоже имеют отношение кто-то – к европейской цивилизации, а кто-то – к африканской. Видимо, этот «эффект Атлантического океана» сыграл свою роль, и начался именно бум, который имел разные русла. Возникли многочисленные генеалогические ресурсы, было выпущено множество дисков в помощь всем, кто заинтересовался этой тематикой, создано огромное количество генеалогических обществ и т. п.

Когда я анализировал наш генеалогический бум, который родился в начале 1990-х годов, я понял, что здесь есть очень четкая аналогия. 1917 год с его красной чертой – это тот самый Атлантический океан, тот ров, который не географически, а хронологически перерезал историю нашей страны. И безжалостной рукой наши корни были просто обрезаны. Генеалогия же вошла в список «лженаук», которыми были объявлены генетика и кибернетика. Её не перечисляли в этом списке через запятую только потому, что решили просто забыть, сделать вид, что её нет. Да, она немножко присутствовала на кафедре вспомогательных исторических дисциплин, но в виде тоненькой ниточки: отдельным историкам-мэтрам (С.Б. Веселовскому, А.А. Зимину, М.Е. Бычковой) позволялось заниматься, скажем, русским средневековьем, формированием боярской аристократии – а тут, так и быть, без генеалогии не обойтись. Из каждого выпуска кафедры вспомогательных исторических дисциплин максимум один человек официально занимался генеалогией, не более того. А уж о каком-то широком интересе к этой науке и речи быть не могло. В советское время она полностью принадлежала прошлому, и только прошлому. Всё начиналось с «чистого листа», с 1917-го.

В 1990-е годы многие наши сограждане наконец поняли, что история всё-таки началась раньше. И не только история страны, но и их личная история. В этом смысле, конечно, очень важны всегда, и я это очень подчеркиваю, рассказы бабушек. Есть такая замечательная книга, написанная Дмитрием Дмитриевичем Благовом, переизданная во времена перестройки в книжной серии «Литературные памятники», с характерным названием: «Рассказы бабушки». И действительно, очень часто именно бабушка является тем звеном, которое соединяет цепочку поколений. Для России это особенно важно – и потому что

женщины в среднем живут дольше, и потому что всё-таки в репрессиях и войнах чаще погибают мужчины. И ещё потому, что именно бабушка чаще всего воспитывает внуков. Поэтому материнское и особенно бабушкино влияние очень важно в передаче такого «семейного» знания. Видимо, иногда так было и в советские годы.

**НЕ НАДО ДУМАТЬ, ЧТО
1917 ГОД – ЭТО ТРАГЕДИЯ
ВЫСШИХ СОСЛОВИЙ.
НИЧЕГО ПОДОБНОГО. ЭТО
ТРАГЕДИЯ ВСЕГО НАРОДА,
И КРЕСТЬЯНСТВА В ПЕРВУЮ
ОЧЕРЕДЬ**

Но те же самые бабушки, я это знаю, часто боялись передавать своим внукам и внучкам то знание, которое у них было – «чтобы не навредить».

М.А. Наумова: Олег Вячеславович, Вы сейчас сказали, что нашу историю пересёк хронологический «Атлантический океан» – 1917-й год. Что Вы думаете о духовных и не только духовных последствиях этого? Что произошло с народом, когда его корни были отсечены? И с каждым человеком... Как это отразилось, на Ваш взгляд, на каждом из нас и на нас всех вместе?

Меня это волнует, потому что мне довольно сложно сейчас восстанавливать свою генеалогию. У меня практически все старшие родственники умерли. И я на себе чувствую эту оторванность от корней. Я её где-то глубоко переживаю, но до конца, может быть, ещё не могу осмыслить, насколько это тяжело отражается и на мне, и на моих родных, и не только на нас.

О. В. Щербачёв: Отрыв от корней, который происходил в 1917 году и позже, действительно имел, на мой взгляд, катастрофические нравственные последствия.

Первое из них – явление, которое России никогда не было свойственно: эпидемия доноса, предательства, эпидемия Павликов Морозовых. Донести на отца стало в порядке вещей. Донести на своего родственника, который рассказал какой-то анекдот, считалось делом обычным: «А вдруг кто-то донесёт раньше меня, и тогда меня тоже посадят?» А ведь это совершенно не свойственно русскому духу – становиться иудами.

Второе: мне кажется, человек, который отрывается от семейных корней, лишается какого-то измерения. Есть эстетика большой семьи. Понятно, что сейчас это невосстановимо в виде совместного проживания многих поколений, да и не нужно. Но должна быть культура большого семейного застолья. А для него должен быть какой-то простор, свой дом. И вот это ощущение дома, большой семьи, конечно, советское время постаралось изгладить. Жизнь была вытолкнута на кухонки, в клетушки. И нормальная патриархальная семья, конечно, полностью исчезла. А раз она исчезла, значит, стал абсолютно ненужным и авторитет старшего, его возможность делиться своим опытом, мудростью. «Комсомол научит всему; стройки, БАМ, целина». Помните, во «Властелине колец» орков делают просто из какой-то массы*. Вылеплен – и пошёл.

М. А. Наумова: Мне кажется, есть ещё одно последствие, самое, может быть, страшное. У нас возникло сознание временщиков. Действительно, люди, не имеющие корней, не отвечают за ту землю, на которой живут. Ты не чувствуешь, что до тебя был тот, кто эту землю любил, её возделывал, хранил, что ты призван стать наследником этой земли... Эта обрубленность приводит к тому, что мы все живём сегодняшним днём, а значит тем, что нужно урвать в сегодняшнем дне. И так же воспитываем наших детей.

О. В. Щербачёв: Я полностью с Вами согласен и хотел бы лишь немного дополнить Ваши слова.

Во-первых, 1917 год – это уничтожение частной собственности. Частная собственность – понятие, конечно, неоднозначное, но для чувства земли, чувства ответственности оно абсолютно необходимо. И то, что сделал Сталин во время коллективизации, полностью изъяв частную собственность, чтобы человек не чувствовал себя хозяином на земле, – это, наверное, самое страшное, что вообще произошло в стране. Крестьянство было уничтожено и духовно, и физически: те, кто остался в живых, были уже колхозниками, а не крестьянами. Я всегда подчеркиваю, что, конечно, по процентному соотношению больше всего пострадали дворяне и духовенство, но в количественном – безусловно, крестьянство. Ведь страна была крестьянской. И эту крестьянскую страну уничтожили. Поэтому не надо думать, что 1917 год – это трагедия высших сословий. Ничего подобного. Это трагедия всего народа, и крестьянства в первую очередь.

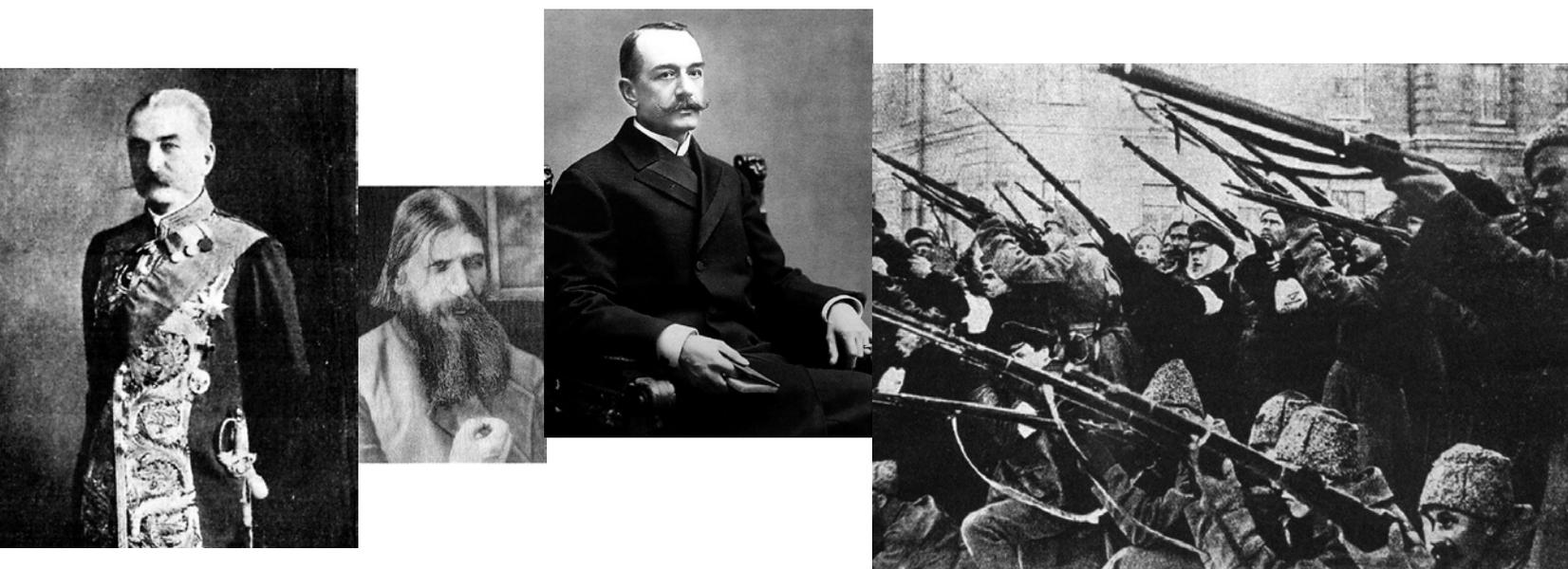
* Наиболее распространённая в Толкиновской мифологии версия происхождения орков (злых вандалических созданий): это порченые мумией и злым волшебством эльфы. Однако в ранних черновиках писателя описывалась другая, не вошедшая в «канонические» издания, теория: согласно этой версии, злобный дух Мелькор создал своих подручных из камня и глины. Она нашла отражение в экранизации трилогии «Властелин колец».

Второе, о чём хотелось бы сказать – это понятие малой родины. Действительно, чувствовать себя патриотом страны – это замечательно. Но если это не подкреплено ощущением именно малой родины, патриотизм становится немножко пустозвонством, «ура-патриотизмом», весьма эфемерным. Любить свой город, маленький, может быть, городок – это ведь так естественно!.. Но посмотрите, что делается с нашей провинцией: пустые сёла, пустые, заколоченные дома. Я ясно это увидел, когда ездил по калужским весям в попытках найти следы имения предков. У меня было три точки. С одной всё в порядке, там, слава Богу, деревня жива. Во второй отчасти сохранилась полуразрушенная церковь, и больше ничего. А третья... Там просто ничего нет. Деревенька состоит из трёх домов. Зимой не живёт никто, летом две семьи. И всё. А по списку населённых мест Российской Империи видно, что это было богатое цветущее сельцо с населением примерно в 300 человек, с нормальными дорогами. И когда я это осознал (было это лет двенадцать тому назад), это был для меня какой-то культурологический шок. Чтобы попасть туда, надо было съехать с шоссе, углубиться всего-то километров на десять. Но там уже парили орлы, и ни дорог, ни людей не было вообще. А ведь когда-то там поля возделывались, пшеница высаживалась, жизнь жила. А теперь – ничего! ☹

Усилие помнить

Весь год «Кифа» месяц за месяцем вспоминала события с ноября 1916 по октябрь 1917 года

Самое тяжёлое время в нашей стране – ноябрь (по старому стилю конец октября). Кончилась золотая осень, пошли затяжные дожди. Начались длинные тёмные ночи, пока ещё не скрашенные мягким сиянием сугробов снега. Именно в такие серые короткие дни и долгие чёрные ночи закончились окончательной катастрофой события, перевернувшие нашу историю сто лет назад.

В ноябре 2016 года мы решили попробовать прожить год, каждый месяц вспоминая события столетней давности. И в этом номере, уже выходящем за пределы 12 месяцев и хронологически, и по сути дела (всё уже произошло, первый акт трагедии закончен, начинаются другие её действия, ещё более страшные и по времени почти бесконечные, растянувшиеся на три поколения), мне хотелось бы подумать о том, что получилось в итоге.

Начиная эту серию очерков, я хотела понять, сможет ли простой человек, не специалист, разобраться хотя бы начерно в том, что именно происходило в 1917 году.

Первое, что я поняла, – мы катастрофически мало знаем о событиях этого времени. Не то чтобы материалов нет (хотя некоторые вещи и сейчас почти невозможно найти в открытом доступе, даже если они где-то в глупинах архивов и существуют, – например, достоверные

и полные списки членов исполкома Совета 1917 года), просто большинство обычных людей, таких, как я, то есть не историков, не знают даже основных событий и теряются в том множестве акцентов и толкований, которое проступает в спорах специалистов, обладающих информацией и позицией. Не решился я взять за основу какое-то одно главное видение – основанное на непредставимом количестве проверенных фактов «Красное Колесо» – я неизбежно перестала бы понимать что бы то ни было. Конечно, в дополнение к этому главному источнику я смотрела те или иные статьи и статистические данные, слушала дискуссии и лекции, и даже в какие-то моменты начинала горделиво чувствовать себя почти специалистом (хотя тут же обычно получала обидный щелчок по носу в виде какого-нибудь неизбежного для неспециалиста ляпа, по недосмотру оказавшегося в тексте), но везде сталкивалась с массой разночтений. Особенно это касалось оценок. Даже среди историков до сих пор нет единого мнения, кто из действующих лиц этой эпохи – герой, а кто – злодей. Слишком долго самые главные и несомненные злодеи прославлялись как герои, а герои втаптывались в грязь. Историю писали победившие в октябре большевики, представлявшие собой наиболее бессовестную и лживую политическую силу, и остатки

их трактовок (слишком часто искажавших действительность до неузнаваемости) до сих пор болтаются в информационном пространстве, не всегда поддаваясь идентификации.

Второе, что стало для меня очевидным, – большинство из нас и не хочет подробнее узнавать что бы то ни было об этих событиях всерьёз, не на уровне забавной интернет-игры «не пусти Ленина в Россию», тестов «а кем бы вы были в 1917 году» (тем более, что ответ «трупом» там не предусматривается) или странноватого изображения никогда нигде кроме как в кинематографе не происходившего события – «взятия Зимнего» – в Эрмитаже. И правда, погружаться не игровым образом, не поддавшись откровенно клиповым или даже неологическим игрищам в то, что происходило сто лет назад, невыносимо тяжело. И когда преодолеваешь себя и что-то всё-таки узнаешь – и хочешь поделиться тем или иным открытием, переворачивающим твоё представление о прошлом, с окружающими, очень часто натыкаешься на глухую стену.

И третье – через какое-то время даже при желании разобраться в произошедшем и погрузиться в него неизбежно накапливается усталость и отторжение. Вместить больше невозможно. Концентрация зла кажется непереносимой даже для восприятия (не раз при чтении

биографий тех или иных исторических деятелей я испытывала ужас, ощущение невозможности для человека перенести то, с чем они сталкивались в ходе жизни как с тем или иным её эпизодом). И встаёт вопрос: а есть ли смысл в таких усилиях обращения к прошлому для тех, кто не сделал историю своей специальностью?

И мне через все трудности и проблемы, о которых я написала, кажется, что – да, имеет. Призыв «жить не по лжи» обращён не только к настоящему, но и к прошлому. А мы пока не научились жить с подлинным прошлым, нас переносит от схемы к схеме. И нужно найти верный тон и подлинный смысл. А для этого нужно обернуться назад и понять, кому мы сможем доверять, а кому – нет.

После ноября обычно наступает зима, засыпанная мягкими рождественскими сугробами (рано или поздно они всё-таки появляются). Жизнь – как и всё, что было сотворено и несёт в себе силу, заложенную Творцом, – имеет удивительное свойство восстанавливаться как жизнь. Но иногда для этого восстановления нужны не только её, не только Божьи, но и наши усилия. Так бывает, когда дело касается жизни человека. Жизни людей, объединённых в народ. И одна из сторон этого усилия – память. **КФ**

Не оставляй первой любви своей

Священник Александр Сухарев

Говорят, что первая любовь не ржавеет. Как всякое самостоятельное чувство, первая любовь верна и глубока и по большому счёту – единственна. Прошло около двадцати лет с того дня, когда я, только вернувшись из армии, попросил отца купить мне четырехтомник Шаламова: имя автора отпечатано каким-то блестящим золотом, чёрно-серая обложка, твёрдый переплет. Внутри – страшный опыт арестанта-одиночки, заброшенного на необитаемую планету, имевшего дерзость выжить и при этом остаться самим собой. К тому времени я уже прочитал кое-что – «Тифозный карантин», «Артиста лопаты», стихотворение «Камея» («На склоне гор, на склоне лет...» – стихи, в которых есть любовь и нет надежды, вернее, надежда заледенела и ждёт короткого северного лета, чтобы ожить, как стланик). Но в тот момент, когда я взял эти книги в руки – четыре тома страданий и отчаяния, зафиксированных с жутковатой педантичностью, – в меня поселилась ничем не объяснимая уверенность: я нашёл что-то настоящее и оно будет со мной всегда.

Шаламов сразу взял меня за живое – и не отпустил. Его короткие рассказы, похожие на вдох на морозе, питали, как кислород. Казалось бы, в этом высокогорье было нечем дышать: автор был безжалостен. В мире, в котором всерьёз ведутся дискуссии о том, что лучше – холод или голод, большая пайка или маленькая – нет места сентиментальности, она смешна и неуместна, как вопрос: «За что?», обращённый к следователю или охраннику. Шаламов не только описывал происходившее с ним в лагерях, не только делился презрением и ненавистью к мучителям – он ставил неутешительный диагноз всему миру. Героем его произведений был человек, потерявший всё, кроме своей человечности, забывший обо всём, кроме сегодняшнего дня – человек без памяти, без прошлого и будущего, ни на что не надеющийся, но ещё живой. Ему противостоял анти-человек – неважно, блатной или из лагерной администрации, свой брат зек или конвоир, который добровольно забыл о себе, проиграл свое первородство в карты. И если по факту это столкновение означало смерть человека, то по существу – его торжество и воскресение, даже из вечной мерзлоты.

Несмотря на общую тему, Шаламов сильно отличается от других писателей-лагерников. Солженицын писал о национальной катастрофе, Шаламов – об

экзистенциальном выборе. Быть или не быть – ни больше, ни меньше. Иван Денисович терпит и надеется, и знает, что вытерпит; шаламовские Крест и Андреев почти бесстрастны, потому что знают: да, всякий прожитый день – удача, найденный окурочок – счастье, но возвращение Орфея из ада невозможно.

Несмотря на безотрадность, которая живет в рассказах Шаламова, в них не было цинизма и рисовки; возможно, поэтому чтение даже самых страшных страниц всегда меня утешало. «Я хотел бы быть обручком, человеческим обручком...», – это не поза, не актёрство, даже не отчаяние. Ударение в этой фразе – на слове «человек». Банальная мысль о том, что «главное – остаться человеком», переставала фальшивить и обретала своё истинное звучание: в человеке есть нечто большее, чем тело, чем сумма его ощущений и рефлексов, большее, чем инстинкт самосохранения («Умри ты сегодня, а я завтра»). Это большее нельзя описать немного истрепанным словом «душа», это «что-то» напоминает первую любовь или забытую радость, оно пребывает в самом сердце бытия. И это «что-то», как центральная ось, держит шаламовскую прозу, тихо и твёрдо напоминая, что человека нельзя отменить, потерять, до конца истратить.

За время, которое прошло с той первой покупки,

я перепробовал несколько занятий, открыл для себя Церковь, поступил в семинарию и даже стал священником. Казалось бы, социалист Шаламов с его стоической философией должен навсегда отойти на задний план и превратиться в воспоминание. Но... первая любовь не ржавеет. Вопреки моим предположениям, Шаламов продолжал быть где-то рядом, даже если я не брал в руки его книг. И сейчас, когда мне бывает тяжело или страшно, я опять принимаю это горькое лекарство – и опять ранним утром становлюсь в строй на утренний развод, когда так холодно, что мерзнет даже тишина, стоящая над тайгой; вместе с ним (потому что и я мог быть с ним, родился я в другое время) деревянными руками вожу тачку с углем, так же, как он, подбираю картонные очистки у барака хозобслуги. И удивительно – мне всегда становится легче, всегда светлее. Шаламов буквально за волосы вытаскивает из трясины житейского отчаяния и говорит: «Не сдавайся, иди до конца». Лживый мир, в котором нет ничего, за что можно держаться и во что можно верить, мир, в котором хитрый и сильный прав, а слабому надлежит умереть, мир, в котором есть только свободное падение вниз – вот в эту самую секунду, вдруг исчезает, и оживает другой, настоящий, серьезный и тихий, в сердце которого стоит Тот, Кто и есть Любовь. КФ

1917

МОЯ ЖИЗНЬ ПОСЛЕ

Революция 1917 года – не дата из книги, это истории наших семей, наших бабушек и дедушек. Их воспоминания, их светящиеся глаза, чай с румяными пирогами на старенькой кухне. Это то, о чём они успели нам рассказать, и то, о чём специально умолчали. Что стоит за этим молчанием? В юбилей революции 1917 года важно осмыслить то, что произошло с нами в XX веке, подвести итоги столетия. Медиапроект «Стол» издаёт книгу воспоминаний «1917: моя жизнь после». Это будет книга о наших историях, о нашей памяти.

kniga1917.ru
predanie.org

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ТЕМА

Так что это было?..

В течение октября-ноября прошло немало конференций, вечеров и даже «музыкально-поэтических мистерий», связанных со столетием октябрьского переворота – от студенческих встреч до научной конференции РАНХиГС, собравшей крупнейших учёных-историков из разных стран. Разброс мнений колоссальный – от прокоммунистического до трагического. В результате какой бы то ни было единой картины не возникает: нет не только согласия по основным вопросам, нет даже беглого наброска целостной исторической концепции событий вековой давности. Возможно, начало созданию такой концепции будет положено на трёхдневной конференции Преображенского братства «Духовные итоги революции в России: коллективный человек и трагедия личности»

Первые же месяцы советской власти были связаны с закрытием множества «неудобных» для большевиков изданий. Только что эти люди, прорываясь к власти, с криком ратовали за свободу печатного слова – и вот начали «осуществлять свою программу» в этом пункте так же, как и во всех остальных, то есть наиболее лживым и циничным образом. Не обошла общая судьба и религиозные издания разных вер и конфессий.